

ВАСИЛИЙ БАРАНОВ

**СКИТАЛЕЦ.
ФЛИБУСТЬЕРСКОЕ
СИНЕЕ МОРЕ**

Василий Данилович Баранов Скиталец. Флибустьерское синее море

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26904997

ISBN 9785448583643

Аннотация

Это вторая книга серии «Скиталец». Главный герой Данька подросток. Он учится в университете. И в школе разведки ФСБ. Морские приключения продолжаются, но и в своем мире у него многое изменилось. Первое задание разведчика. В составе группы высадиться на сопредельной территории. Спасти связных и файлы важных документов. Каков Даня-разведчик? Придуривается. Но теперь он воин, готовый сражаться и убивать. Первая любовь. Неудачная. Уход из родительского дома. Так много перемен в судьбе.

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	25
Часть 3	45
Часть 4	66
Часть 5	89
Часть 6	108
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Скиталец. Флибустьерское синее море

**Василий
Данилович Баранов**

© Василий Данилович Баранов, 2017

ISBN 978-5-4485-8364-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

В невообразимо-великой пропасти между мирами, что охватывала пространство и время, в безвременье и не движение зарождалось нечто новое. Физики и теологи могли бы долго спорить о том, что же на самом деле происходит в этом загадочном подпространстве или пространстве между мирами. Однако этот процесс можно было описать довольно просто. Древняя и извечная Сущность, которую одни теологи называли бы Творцом или Богом, а другие Дьяволом, заскучала и решила создать противовес своему последнему творению. Роману, Древнему, своему аватару в образе человека. Теперь же Сущность создавала Рэма, двойника Древнего, его отражение, Альтер-эго, антипод. В безумии зеркал, во всех смежных мирах, он будет противостоять своему брату, что придаст новые силы извечной битве Порядка и Хаоса. Вражда братьев либо приведет их к духовной гармонии, либо окончательно противопоставит их друг другу. Тогда вновь запыхают пожары войн и по мирам прокатятся стихийные бедствия. В худшем случае придется начинать все заново, но Сущность скучала, а межмирье слишком пустынное место. А пока Сущность устраивалась поудобнее, желая насладиться схваткой светлого и темного аватара. Эта схватка была вечной как само мироздание, ибо нет начала у бесконечности и нет конца, бессмысленно вспоминать о прошлом

и пытаться разгадать будущее.

Легкая грусть и радость. Отчего? От того, что он, Данька, окончил школу, стал взрослым. Позади экзамены, последний звонок. Теперь он и его друзья, Славка, Максим, они взрослые. Они могут твердо стоять на этой земле. Могут протянуть руки кверху, что бы взять диск под названием Солнце. Они могут идти по Земле твердой поступью, что бы дрожала вселенная под их ногами. Взрослые. Они выросли. Грустно, немного печально от того, что школа уже позади. Но ведь можно прийти, пройти по школьным коридорам, постоять у окна, погладить рукой подоконник. Можно свысока посмотреть на ребятню, бегающую по коридору. Можно заглянуть в опустевший класс, притихший, присесть за парту, что бы вспомнить свое детство. Можно остановиться поговорить со своим старым учителем почти на равных. Детство, когда ты решило уйти? Может тогда, когда он прикоснулся к той книжке, что называют аттестатом, Вот оно детство. Черноволосый парнишка с темными глазами стоит среди других ребят и родителей и смотрит, как он, Данька, берет аттестат из рук директора школы. Этот парнишка, детство, в коротких брюках. Он вырос из них. Длинные носки. Стоит и печально, немножко робко улыбается, машет ему рукой так, чтобы никто не заметил. Поворачивается и уходит. А Данька только смотрит в спину уходящему детству, на эти печально опущенные плечи. Ушло, ты ушло, мое детство. Неужели безвозвратно.

Данька сидит за столом в своей комнате, в доме на Тракторной улице. За окном галдят птицы. Шум проехавшей машины. Он сидит и бесцельно перебирает листы бумаги, перекладывает их с места на место. Словно собирается подвести итог отрезку жизни. Только какой жизни. У него их две. Одна здесь, где он был школьником, а другая на далеком Карибском море. На пиратском острове Тортуга, где он пират. Пират на корабле под названием «Скиталец». Под командой капитана Свена, его отца. Итог, какой жизни следует ему подвести. Той или этой? Обеих сразу? Но как? Он теперь взрослый, но в комнате ничего не изменилось. Тот же письменный стол, компьютер. Данька встал, подошел к книжному шкафу. Его книги. Какая мешанина. Томики стихов. Цветаева, Ахматова, Пастернак. Квантовая механика. Эммануил Кант. Как он мог все это в себя впихнуть. Какая неразбериха царит в его башке. Данька посмотрел на старый пузатый шифоньер. Он не стал к нему подходить. Там хранятся его рубашки, брюки и две спортивные сумки. Лучше что б никто не видел, что он хранит в них. Вот кровать, хранительница детских снов. Рядом тумбочка. На ней настольная лампа, которую он включал каждый вечер. Она спасала его от страха перед темнотой. Когда на землю опускалась ночь, лампа отгоняла страшную безобразную тьму. Эта тьма постоянно подкрадывалась к его постели. А лампа на одной ножке, как стойкий оловянный солдатик стояла на страже, охраняя его покой, ограждая от мрака. Там на Тортуге в первые дни

Даньке казалось, что все, что связано с островом, сон. Он даже солнце обозвал электрической лампочкой своего ночника. На той же тумбочке сидит плюшевый мишка. Славная игрушка. Этому мишку подарил ему отец.

Когда-то Данька долго пытался вспомнить образ своего отца. То как он сидит рядом, читает сыну книжку. Обнял рукой. Даня держит в руках этого медведя. Что еще было в его жизни? Не так уж плоха была у него жизнь.

Не так уж плохо было все в его жизни. Мать – научный сотрудник музея. И ничто, что ее зарплата маленькая и ее надо растянуть на целый месяц. Мать подрабатывала уборщицей в колледже, а он, Данька, помогал ей по дому. Готовил ужин, стирал белье, мыл пол. В общем-то, не плохая была жизнь. Нельзя ему жаловаться на свою жизнь. Все было нормально. И в школе все было хорошо. Ну, не получалось у него с физкультурой. С кем не бывает. Не мог перепрыгнуть через «коня», рухнул с каната. Но ему же поставили тройку. Потом он исправился. И у него есть венные друзья. Вон, Максим. Мало ли что сын известного в городе предпринимателя. Отличный парень. С ним не скучно. Верный друг. Он, Данька, никогда не чувствовал себя ущербным рядом с Максимом. Завидовал ему немного. Завидовал, что у того есть отец. Его же родной отец однажды летним вечером вышел за хлебом. Дойти только до магазина, рядом с их домом. И исчез. Пропал навсегда. Его искали. Мать плакала, даже фотографии убрала. Спрятала, чтобы не вспоминать.

Долгое время Данька даже не видел этих фотографий. Может и к лучшему. Потом к их дружбе присоединился Славка. Интересный парень. Их одноклассник. В этом мире у него все в порядке, так что можно спокойно перевернуть страницу жизни.

Данька вернулся к столу, сел на стул. Да, в этой жизни все в порядке. Он посмотрел на широко распахнутую дверь своей комнаты. И увидел. Там стоял тот мальчишка, черноволосый. Черноглазый. В коротких брюках. Стоит и робко улыбается. Его детство? Оно решило заглянуть к нему? Данька сказал:

– Ну, что стоишь? Проходи. Не стой, как вкопанный. Садись. – Он развел рукой, предлагая гостю самому выбрать, куда сесть. До чего робкий и застенчивый мальчишка. Даньке его немного жаль.

Паренек прошел в комнату и присел на край стула, все так же продолжая робко улыбаться.

– Ну, если пришел поговорить, давай поговорим. – Заявил Даня. Отвел взгляд от мальчишки, тот уж больно жалко съехался под взглядом сегодняшнего себя.

– Я на минутку. Если не помешаю, конечно. – Вот, как всегда, робеет. Нервно перебирает пальцы рук. Склонил голову на бок. Прикусил губу. Ну что же ты такой нескладный!

– Нет, не помешаешь. – Сказал Даня. – Рассказывай. Рассказывай о себе.

Детство вновь улыбнулось. В глазах сверкнул огонек ра-

дости и надежды. Его не прогнали.

– Что рассказывать? Ты и так все знаешь. – Розовый румянец проступил на щеках. Вспомнил что-то, чего стесняется.

– Мне хотелось услышать это от тебя. Как бы со стороны. – Данька откинулся на спинку стула, закинул ногу на ногу, правую руку завел за затылок. Приготовился слушать.

– Я... я не знаю. – Мялось детство. Голос чуть срывается. Смущение? Чувство вины? Какой он ребенок. Просто очаровательный ребенок. В этом Данька уверен, ведь это он сам.

– Ладно. – Сказал Данька. – Как мне к тебе обращаться? Как тебя звать?

– Наверно Наверно, Даня. – Совсем растерялся.

– Даней зовут меня. Мы так запутаемся. Надо дать тебе другое имя. – Честно говоря, такого лопуха называть пресветлым именем Даня ему не хотелось.

– Ладно. Называй, как хочешь. – Детство покорно склонило голову. Ну, да, как хочешь, только в печь не ставь, хоть горшком.

– Назову тебя Юн. – Данька усмехнулся. На «Скитальце» он начинал юнгой. А этот половина юнги рядом с ним, теперь боцманом.

– Почему? – Детство посмотрело на Даньку. – Почему, Юн?

Возражать то ли вздумал, сопляк? Не обижайся, я не со зла.

– Не звать же тебя Дед. Детство. Юн – это от юности.

Не называть же тебя ребенком. Обидишься еще.

– Конечно, обижусь. – Детство вскинуло подбородок, закинуло ногу на ногу. Взрослого мужика из себя корчит.

– Ты согласен? Ты будешь Юном?

– Согласен. – Детство кивнуло головой.

– Ну, давай, Юн. Рассказывай, как ты живешь, жило. – Данька поймал себя на том, что как-то сурово произнес эти слова. Свысока.

– Наверно, как и ты. – Мямлило детство. Распахнуло свои темные глаза, вот сейчас начнет оправдываться. Виноват, дяденька, больше не буду.

– Рассказывай. Рассказывай. – Лукавый огонек зажегся в глазах Даньки. В голосе смешок. – Расскажи, как ты шалил, безобразничал!

– Я не шалил. – Оправдывалось детство. Юн втянул шею в плечи. Проказы детства, вовсе не проказы, а поиски себя.

– Рассказывай. – Требовал Данька. – Как ты каждую ночь праздновал труса в этой комнате.

– Это не я.... Это.... Это ты. Ты трусил. – С больной головы на здоровую валит. Что от него еще ждать. Спрятался за спину своего взрослого я.

– Я?! – Возмутился Данька. – Да как ты разговариваешь со взрослыми! Ты, молокосос! Подрасти вначале! Зелен еще! Вытянулся, дылда! Штаны короткие!

Лучший способ защиты – нападение. Поставить на место мальчишку!

– Не короткие. Свен сказал, что у моряков такие должны быть штаны. Чтобы не замочить штанины на палубе, очень удобно.

– Мальчишка! Не Свен, а капитан Свен! Я помощник боцмана на «Скитальце» и то обращаюсь к нему капитан. – Оправдываешься. Помощник боцмана нахмурил брови.

– А ты бы не испугался? – Юн забавно морщит лоб. Подбородок вперед. Поза – сам дурак.

– Чего испугался? – Кто смеет отважного пирата обвинять в трусости. Этот ущербный. Подзатыльник ему отвесить.

– Когда она из-под кровати руки тянет костлявые? – Говорил, чуть не плача Юн.

– Кто она?!

– Ну, она, тьма. Знаешь, как страшно. А ты сам бы попробовал залезть на эту жердочку по канату. – Юн вспомнил первые дни на корабле.

– Не по канату. По вантам. Юнга! Когда выучишь, ноги бегут по выбленке. Лезешь, марсовый, на мачту. Потом стеньга. Не жердочка, а грот-бом-брам-рей. Взгреть бы тебя линьком!

– Выучишь тут, как же. Этих палочек... Брама... и веревочек... за которые дергают... их сотни.

– Такелаж положено знать. Парни с бака над тобой смеяться будут. Тоже мне. Вантовый акробат. Марсовым так не станешь. Корабль надо знать от киля до клотика! Я тебя в собачью вахту поставлю! С полуночи до четырех утра. Серая

погибель из моря выйдет, это тебе не тьма из-под кровати.

Парнишка вот-вот заплачет. Матросы знают, что такое Серая погибель. За душой матроса она приходит. Хуже Сатаны.

– Господи, какой же ты ребенок! – Даньке стало жаль этого мальчишку.

– А зато это я остановил Славку. Помнишь, когда вы с Максом сидели на скамейке, на аллее. Я его остановил. Славка шел, чуть не плачет. Тащит за собой сумку. Он бы глупостей наделал, если б я его не остановил.

– Ты его остановил? – Удивился Даня. Какая наглость, а я его пожалел. Все плохое – это я, все лучшее – он. Как такое терпеть!

– А кто? Я! – Заявил Юн. Упрямый черт!

– А не я? – Данька подался вперед. Сверлит наглеца взглядом.

– Нет, я. – Упрямылся Юн. – А потом мы... мы... не очень проказничали.

– В самом деле? – Легкая улыбка. С этим Даня согласен.

– Правда. Мы были очень послушными. Ну, и что? Ну, было. Ну, когда мы поперлись на стройку. Славке куски арматуры нужны были для полки. Я же не знал, что груз с крана сорвется. Я тогда Славку толкнул, и мы упали в кучу мусора. И груз упал не на него, а рядом.

– Ты толкнул? – Удивился Данька. – А может, это я толкнул, когда почувствовал, что груз упадет, и толкнул его

в спину.

– Нет, это я. – Говорил Юн. – А потом мы вылезли из этой кучи. Вспомни, какими мы были грязными. Все в грязи.

Юн начал смеяться:

– Во, было дело. – Красивое лицо светиться радостью.

– Был, было, – подтвердил Данька.

– А еще помнишь парк, когда мы на колесе обозрения со Славкой катались. Застряли там на самом верху, а? – Юну приятно вспомнить эту шалость. Он ерошит ладонью волосы на голове.

– Помню. – Усмехнулся Данька. Какие замечательные были дни.

– А как мы с ним скрепили наши брючные ремни. Потом слезали сверху, прыгая с одной перекладины на другую. Ловко? – Парень аж подпрыгивает на стуле.

– Юн, а может это я прыгал? – Пытается Данька урезонить свое детство.

– Нет. Нет, Даня, это я прыгал. Я прыгал. Тебе бы и в голову не пришло. Взрослым такое в голову не приходит.

– Юн, остановись.

– Чего? Ты взрослый, тебе нельзя. А мне можно, – хвастался Юн.

– Ладно. Тут с тобой все ясно. А кто виноват, что мы попали с тобой на Тортугу? Это тебе хотелось к морю. Так, Юн?

– Ну, хотелось. – Согласился Юн. – Но я тут ни при чём. Честно. – Оправдывалось детство.

– А кто? – Даня до сих пор не мог понять, почему перед ним открылась дверь в другой мир. Сон стал явью. Школьник, трусливый и хилый парнишка стал морским разбойником. Тренировки упорный труд превратили его в настоящего воина.

– Я не знаю. – Юн беспомощно развел руками.

– Значит, не ты виноват, что мы каждую ночь появляемся там, в стране пиратов. А затем, утром, возвращаемся сюда? Возвращаемся сюда, как ни в чем не бывало. – Как он может винить свое детство в этом. Теперь без этих перемещений жизнь была бы тусклой, бесцветной.

– Правда, Дань. Я сам не знаю, как это получается. – Оправдывалось детство.

– Хорошо, допустим, – согласился Данька. – А там, на Тортуге, в городе кто привязался к капитану Свену? Кто попросил взять на корабль, на морскую прогулку? Прогулялись, называется!

– Наверное, ты. Ты, Даня. Я же не сумел бы. Ты сам говоришь, что я трус. – Лихо! Нашел себе отмазку, он – трус!

– Так я виноват? Да? Вот что, перестань врать. Не хорошо, когда дети врут взрослым. – Заявил Данька. Построже надо с этими мальчишками. Так и на шею сядет.

– Я не вру! Ты сам решил, что все это сон. И что ты можешь во сне делать все как хочешь.

– Ну, ладно. – Согласился Данька. Виноваты они оба. – А у тебя все еще колено болит? – Спросил он вдруг у своего

детства.

– Коленко?

– Ну, да. – Ухмылялся Данька. – Когда ты залезал по веревочной лестнице на борт «Скитальца». Помнишь, как ты шарахнулся о борт?

– Помню. – Юн тяжело вздохнул. Не очень хочет вспоминать.

– А как ты вел себя в каюте капитана? – Докапывался Данька.

– Норма... нормально вел. – Заикался Юн. Насупился, обижается.

– Ага! Какую чушь ты ему плел?

– Я не чушь ему говорил. – Покраснел Юн. – Я сказал, что море большое. И соленое. А океан... океан еще больше.

– Ты думаешь, это единственная глупость, какую ты тогда сморозил? – Спрашивал Данька.

– Я... Я ему рассказал, как питаются моряки. Ночью в трюме едят солонину, что б червей не видеть. Она же испортится на жаре. – Потупилось детство.

– Ну, расскажи мне, расскажи мне, как мы моряки питаемся. – Настаивал Данька.

– Если в море долго находишься, и холодильника нет, то все портится. И солонина. Вы едите ее в трюме. Ночью. – Юн покраснел еще больше.

– Вот, вот. – Говорил Данька. – Насмешил ты тогда капитана. Даже не знаю, почему он не выкинул тебя за борт.

И взял юнгой.

– Потому что я хороший. Я честный. Я ему сразу признался, что трус и слабак.

– Ах, какой оказывается, ты честный. Тоже мне, правдоискатель! – Возмутился Данька.

– А что? Он меня взял юнгой. Меня!

– Хорошо, взял тебя юнгой. Ты скажи, ты ведь перетрусил?

– Когда? – Спрашивало детство.

– Когда мы залезли на мачту. Бежал по рее и чуть не сорвался. Струсил?

– Ну, струсил. Мачта же качалась, и ветер. – Оправдывался Юн.

– Ага, ветер! – Нет, все виноваты, обстоятельства так сложились. Бедненький!

– Но ведь Брайан О`Тул схватил нас за ворот рубахи и удержал, – говорил Юн.

– Удержал. Рубаху порвал. – Рубаха – пустяк. Тогда Данька узнал цену настоящей дружбы.

– Он же зашил нам ее потом. – Говорил Юн. – Он же извинился.

– Извинился. А где ты был, Юн, когда капитан назначил меня матросом? – Матросом Свен назначил его, а не этого удохлика.

– Я на сундуке сидел, на котором ты спишь в каюте капитана.

– Сидел на сундуке и ножками болтал. – Упрекал Данька свое детство.

– Ну, было. Было.

– Так. – Данька пытался найти еще что-нибудь, в чем виновато детство.

– А во время шторма? – Вспомнил Даня. – Того первого шторма, когда я с ребятами боролся со стихией.

– Я рядом был.

– А я думал, тебя волной смыло. – Ехидно заметил Данька.

– Нет, ты же видишь, я здесь. – Оправдывался Юн.

– Ладно. А когда мы с тобой, я еще был юнгой, мы стояли на палубе, а ребята пошли на abordаж. Помнишь? – Сам Данька помнил, как прирос ногами к палубе. И те ужасные картины.

– Помню, – признался Юн.

– Тогда мы с тобой впервые увидели, как льется кровь. Как убивают. Крики. Ты же испугался. Испугался, Юн? Это я из-за тебя стоял там в ступоре. Двинуться не мог.

– А я тут причем? Это ты сам застрял.

– Ага. А потом меня капитан тряс рукой, а рука в крови.

– Нет худа, без добра. – Говорил парень. – Когда ты увидел эти пятна крови на своей рубашке, здесь в этой комнате, когда ты вернулся оттуда, ты понял, что это не сон. А то еще бы долго думал, что все тебе приснилось.

– Думал бы. Я из-за тебя, Юн, ободрал ладони, когда спускался по канату с мачты. Потом из-за тебя, труса, прятал ла-

дони от матери, что б она не увидела, что я их ободрал.

– Ты всегда во всем меня винишь. Если маленький, то и виноват. Так? – Голос Юна задрожал, он по-настоящему обиделся.

– Да, ладно. – Даньке отчего-то стало опять жалко этого пацана. – Не сердись.

– Зато в первом бою, – оживился Юн, – как я тебе помог.

– Это когда? Когда я убил испанца? – Данька хлопнул себя по колену рукой.

– Да. Это я тебе помог. Это же я тренировался с капитаном Свенном.

– Кто тренировался?! – Возмутился Даня. – Это меня капитан обещал сделать настоящим матросом. Это я учился сражаться, стрелять. А ты где-то отсиживался.

– Я не отсиживался. Я еще раньше учился фехтовать. Вспомни, я дрался с Извечным Злом.

– Это, с которым? – Спросил Даня. Увидел на столе книжонку в тонком переплете, которую он когда-то любил читать. Книга о скромном герое. Взял ее двумя пальцами.

– Вот с этим злом ты сражался?

– Да. Ты припомни, Даня, вот я со шпагой на кухне, а Зло бросилось на меня...

– Опомнись. Опомнись, Юн. Какая шпага? Ты схватил тогда кухонный нож, зажал его в своей ручонке, встал, стоял, как раскоряка и воображал, что дерешься с извечным Злом.

– Я с ним дрался! – Заявил Юн.

– И ты думаешь, это мне помогло?

– Конечно, – сообщило детство, – а потом мы бросились дальше в бой.

– Вот, вот. Именно бросились, очертя голову. И все из-за тебя. – Сказал Данька. – Если бы не ты. Ты тогда испугался. Испугался, что парни будут говорить, ты трус. Поэтому ты бросился ни о чем не думая.

– За то, я прикрыл тогда капитана.

– Ты? Ты прикрыл капитана? Когда испанец хотел ударить Свена в спину? Это я, я прикрыл своей грудью капитана. Ты бы ведь струсил.

– Не правда! Не струсил бы. – Юн вскочил на ноги. Минута, и броситься с кулаками.

– Ладно. Не струсил, может быть. – Решил не добивать свое детство Данька. Пусть успокоится.

– А здорово мы тогда маму испугали. – Вновь оживился Юн. Когда забинтованные обрывками рубахи появились здесь. С кровавым пятном.

– Юн, не стыдно? Мать испугали? Нашел чему радоваться. – Данька качал укоризненно головой.

– Я не радуюсь. – Детство начало чесать затылок. – Правда, не радуюсь.

– А где ты был, – Даня спрашивал своего собеседника, словно он был подозреваемым, – в то время, когда мы ночью крались по берегу, что бы захватить город? Когда на рассвете мы перебрались через стену форта с Брайаном и сняли всех

часовых? Открыли ворота. В кустах прятался?

– Нет. – Оправдывалось детство. – В кустах и ночью, я бы испугался. Я с тобой был. С тобой не так страшно. И это мы с тобой ножички бросали и всех часовых сняли.

– Господи, вот ребенок. – Подумал Данька. – Мы же убили их. А он: ножички бросали.

– Ладно. – Сказал Даня, словно помиловал этого ребенка. – А что ты можешь сказать о том, когда меня ранило шальной пулей? Когда мы пробивались сквозь строй испанских кораблей?

– А? Вспомни, как Брайан вынимал из тебя пулю, а потом зашивал. Ковырял в тебе ножичком, а ты палку в зубах держал, чтобы не кричать от боли и не сломать зубы. Парни тебя за руки и за ноги держали, а ты верещал.

– Я не верещал. А стонал. – В самом деле, как ему было больно. И он думал, что умрет.

– Ну, стонал. – Согласилось детство. – И пытался бормотать: матросы не плачут. А сам все равно...

– Я не плакал. – Оборвал грубо детство Данька. Матросы не плачут, так учил его капитан. И это он будет помнить всю жизнь.

– Все равно. Ты еще вцепился в руку капитана. Ты думал, что помрешь. Вспомни!

– Помню. Думал. – Бессмысленно отрицать.

– Во! А Брайан тебя заштопал.

– Заштопал. Ты знаешь, как это было больно.

– Знаю. – На глазах Юна, выступила слезинка. – Но потом, когда ты уже поправлялся в доме капитана. Он не хотел брать тебя в поход. Я помог тебе пробраться ночью на корабль и спрятаться там.

– Ты, Юн? А мне кажется, это был Хуан. Он доставил меня на лодке к кораблю. Тот парень, которого мы захватили на испанском корабле, и капитан собирался его сжечь.

– А с Хуаном я подружился. – Заявил Юн. – Когда в трюм носил ему еду и воду. Хуан тогда еще твердил, что он слуга. Он нерадив, ленив и прожорлив. И его надо побоями учить уму-разуму. Так положено. Забавный такой.

– Точно, забавный. – Данька считал испанца своим другом.

– Если б не я, ты не полез бы ночью на корабль. А утром, капитан тебя объявил помощником боцмана. Это потому, что я...

– Господи, что ты выдумываешь, Юн. Капитан все без тебя решил.

– И что? Зато Жанетта, наша кухарка в доме Леона, она меня любит больше, чем тебя.

– В самом деле? – Совсем обнаглел.

– Ага. Это мне она каждый вечер приносит с кухни чего-нибудь вкусенького.

– И не правда. А Леон, управляющий домом Свена хромой бывший моряк, меня больше любит.

– Нет, меня.

– Не ври, меня.

У них завязался спор.

– Хорошо. – Согласился в конце Даня. – Они любят нас пополам.

– Это как, пополам?

– На половину тебя, наполовину меня. Может так, Юн? – Даня улыбнулся.

Детство улыбнулось ему в ответ.

– Заболтался я с тобой, Юн. Мне бежать пора. Макс со Славкой ждут. Они завтра уезжают. Надо попрощаться.

– Давай.

– Пожмем, Юн, друг другу руки. – Предложил Данька. – Мы же с тобой братаны.

И они пожали друг другу руки.

Даня пошел к выходу из комнаты, оглянулся.

– Юн, ты заходи ко мне. Не оставляй одного. Мне без тебя, дурачок, будет плохо.

– А можно, – вдруг решился Юн, – я с тобой пойду?

– Ты? Да ты – маленький. Таскать за собой всякую малышню. – Даня хитро прищурился. Куда от него денешься.

– Вот, чуть что, сразу маленький.

– Ты станешь хныкать.

– Я? Нет. Данечка, возьми меня с собой.

– Куда от тебя денешься. Идем, малышня.

Даня, одевшись, вышел из дома. Он шел к Максиму и думал: совсем недавно на школьном дворе они с Максимом думали

о том, как закончат школу. Когда это было? Давно. Миллион лет тому назад. Миллион лет до нашей эры. Вот именно, миллион лет до нашей эры! И сейчас она наша эра.

Часть 2

Данька вошел в комнату вслед за Максимом, и ему показалось, что здесь что-то изменилось. Но понять что, он не мог. Тот же письменный стол, компьютерный столик, шкаф. Аквариум с рыбками, диван, на котором сидит Славка. Все как обычно. Может быть, какая-то атмосфера взросления появилась здесь, в этой комнате. Максим уселся за свой письменный стол в тяжелое кожаное кресло. Сидит, ну вылитый финансовый менеджер. Воротник рубашки немного расстегнут, рукава засканнны. Вот, он весь в работе. Кресло, тяжелое кресло, оно всегда здесь стояло. Выглядит сейчас Макс, как его отец, большой бизнесмен. Вот он Макс. В трудах и заботах, в заботах о финансовой стабильности всего мира. А Славка сидит, ногу забросил на ногу, спиной привалился к спинке дивана. На лице... На рожу лица Славка накинул маску такого доктора, который готов заботиться о своих пациентах. Вот – вот сейчас скажет: ну, что беспокоит вас, больной? При этом сделает ударение на последнее слово. Больной. Если уж ты вошел в его кабинет, то ты, несомненно, больной. Больной на всю голову. Ну что ж, господа хорошие, – решил Данька, – сейчас вы у меня получите по полной. Прошел дальше в комнату, присел на стул возле стола, взял в руки карандаш. Вертит его. Славка поднялся, подошел к столу и запустил руку в вазу с конфетами. Выбрал

несколько штук и вернулся на свое место. Как прежде развалился на диване, развернул фантик одной из конфет и засунул ее в рот.

– Так, – сказал Даня. Лицо его изобразило усталость в последней степени. Наигранную. В глазах пронизательность сыщика. Он для себя решил, что будет полицейским. Последняя возможность выяснить, твердо ли его друзья держаться за свой выбор, за то, кем они станут завтра. Или еще остались сомнения. Последний акт расследования. Он посмотрел на Максима:

– Ну, с вами мы поговорим позже. Вначале я бы хотел выслушать нашего докторишку. Что он думает о твоём будущем, если ты станешь бизнесменом. – Данька посмотрел на Славку.

Славка, похоже, потерял конфету во рту. Ой, где она? Будущий доктор почувствовал, что конфета скользит по его пищеводу в желудок.

– А чего я? – Начал Славка.

– Ах, доктор, доктор! Можете мне не говорить. Я вижу, и так вижу, что случай клинический. – Данька снова бросил взгляд в сторону Макса. – Посмотри на Максима. Через год – другой брюхо этого господина будет вываливаться через ремень на брюках. Сердечко будет пошаливать. Не говорю о давлении. То будет скакать вслед за курсом акций. Судьба делового человека.

– В лоб хочешь? – Откликнулся Максим как-то очень спо-

койно, равнодушно.

Данька сразу:

– Вот, я из лучших побуждений. И вот, сразу, в лоб. Славик, скажи ему.

– Что ему говорить? – Славке явно было не до этого, поскольку он клал в рот следующую конфету.

Данька представил себе, какими они были еще пару дней назад. Просто дети. Сейчас они взрослые. Славик и Максим просто не могли, как Даня, увидеть себя со стороны. Вошедшая тихо в комнату троица подошла и робко присела на диван поодаль от Славки. Они переглядывались. Старались не шуметь. Один из мальчишек, тот, что был похож на Славку, спросил:

– Юн, а ты уверен, что они нас не выгонят, эти большие дядьки? – Парень сидел на краешке дивана и с опаской смотрел на себя взрослого.

– Нет, они нас не заметят. – Ответил Юн. – Они такую малышню, как мы, не замечают. Только надо тихо себя вести.

– Точно? По шее не получим? – Спросил третий пацан, похожий на Максима.

– Тише, тише, – Юн приложил палец к губам. – Посмотрим, какие они, взрослые.

А взрослые продолжали.

– Чтоб не смел кидаться на меня с кулаками. Я нарисовал ему картинку будущего, если он станет коммерсантом. Судьбу моряка он видит перед собой. Это я.

– Гнусный пиратишка, – буркнул Макс. Он вовсе не злился на друга.

Данька спросил у Славы, пропустив мимо ушей эту реплику:

– Ты все же решил в Москву ехать? Твердо? – Как его отпустили родители.

– Ага. – Ответил Славка, дожевывая конфету. – Родители считают, что только там из меня могут врача сделать. Там лучше. А потом, вы сами парни, подумайте, я же буду там один. Буду самостоятельным, по настоящему взрослым. Представляете, ни кто не будет меня опекать.

– Да, это аргумент, – согласился Данька. Хотя не мешало бы и опекать.

Тот мальчишка, который больше всех походил на Славика спросил:

– А что, он меня с собой в Москву не возьмет? Один уедет? – Он насупился обиженно.

– Куда он денется, – Ответил Юн, – без тебя. Ты чего? Куда они без нас.

– Он же будет взрослым там. – Славкино детство явно не хотело отпускать себя взрослого.

– Не думаю.

– Один, там будет мороженое есть. – Обидно, когда тебя предают. Уехать, оставить свое детство в родном городе и забыть о прошлом.

– Как он будет есть без тебя мороженое? Взрослые ничего

в мороженом не понимают.

– Может, он вообще не будет его есть. Взрослые мало сладкого едят. – Скорбь в голосе. Иметь возможность есть мороженое сколько хочешь, и не воспользоваться этим.

– Посмотри сам, видишь, как он конфеты трескает. Как он без мороженого? И без тебя, тем более. Ты тоже будешь мороженое есть. И он от него не откажется.

– Ага, ну если так, – согласилось Славкино детство. Настроение у мальчишки резко улучшилось.

Данька продолжал:

– Мыши в Москве все в переполохе. – Хитро поглядывает на Славу.

– Это с чего? – Не понял Славик.

– Как! Они догадались, что ты едешь мышей резать. – Они часто повторяли эту шутку. Все будущие врачи тренируются на мышах.

– Это каких мышей? – Друзья называется, задергали. Защитники мышей.

– Ну, а что? Что вы делаете, врачи? Прежде всего, режете мышей. Или как это у вас, по-научному, – Данька посмотрел на Максима, словно ища у того поддержки, потом снова посмотрел на Славика – вивисекция. А в действительности, бедных мышей режете, садисты.

– Я мышей резать! – Возмутился Славка. – Да я... Я перед собой вижу одну большую вредную мышь.

Славка скомкал фантик и кинул его в Даньку.

– Это на кого намекаешь? – Поинтересовался Даня. – А?

– Я не намекаю. – Огрызнулся Славик. – Я прямо говорю.

Вот она сидит передо мной, большая вредная мышь. Ты что, Даня, не помнишь? Забыл, как я из тебя веревки вытаскивал? Швы снимал? Забыл уже?

– Помню. Помню. – Кивал головой Данька. Это было давно, когда впервые Даньку ранили. Они только подружились со Славкой, который уже тогда собирался стать врачом. Данька попросил вытащить из своего тела те швы, что наложил Брайан. – Я все помню. Вот Брайан, простой корабельный плотник, матрос, а как хирург меня зашил. А ты, фельдшер, как ты вытаскивал из меня швы? А? У тебя руки тряслись, поджилки дрожали. Доктор, фельдшер!

– А ты! ... – Тут уже Славка не выдержал. До чего Данька бывает вредным. – А ты забыл, как визжал, когда я йодом хотел тебя помазать?! Еще кричал: матросы не плачут, матросы не плачут. А йода испугался.

– Я? Я испугался йода? Ты чего? – Это было возмутительно. Он, Данька, чего-то испугался? Йода он, конечно, боялся. Но не расписываться же сейчас в своей слабости. – Ты, фельдшер, своей башкой подумал?

Данька постучал кулаком по своей голове.

– Может у нас, у пиратов, аллергия на йод? Ты видел хоть одного пирата измазанного йодом? А если б я впал в кому?

– Да ты, – заявил Славик, – ты всегда в коме.

– Чего?! – Некоторые будущие врачи позволяют себе

слишком много.

Эту перебранку прекратил Максим.

– Слушайте, мы здесь собрались вовсе не для того что б ругаться, собачиться.

Сеятель-Жнец вглядывался в оконное стекло. В его прозрачности он видел этих забияк. Мальчишки, когда вы станете взрослыми? И в седирах вы останетесь детьми. Вы так же молоды, как ваш мир. Ваша зрелость в вашей молодости. Он, владыка Жизни и Смерти, лучше других знает, как болезненно взросление. И он хочет стать их поводырем.

Рэм плывет в пустоте. До него доносятся обрывки мыслей Романа. Брат мой, враг мой, эти мальчишки повзрослеют, их сердца скует лед. Ни один Прометей не растопит лед старости. Ты сам отречешься от них, сам приведешь к гибели. И братские объятия соединят нас. Я скоро брошу прах твоего мира к себе под ноги. Под моей ступней склонится вые живущих. И пламя их ада станет моим очагом.

– Ладно, – согласился и Данька и Славик.

– Мы разъезжаемся, – сказал Максим – в разные стороны.

Максим поднялся из кресла, подошел к аквариуму. Постучал по стеклу. Повернулся к друзьям, увидеть их лица.

– Жало, – признался Славик, – что мы вот так по разным углам.

Данька нашелся:

– Почему по разным углам? У нас же сотовые телефоны. Созвониться всегда можно. И каникулы будут. Обживетесь,

компьютеры поставите, по Скайпу можем общаться. Ну, что вы? Чего грустите?

– В самом деле, – подвёл итог Славка, – Мы всегда будем рядом.

– А ты как? – Спросил Макса Данька. – Едешь?

– Да. Завтра уезжаю в Мурманск. – У Максима глаза радостно заблестели. Сомнений не было, он твердо решил.

– А что мать? Все еще не хочет тебя отпустить? – Данька знал, что мать Макса мечтала о другой карьере для сына.

– Большим желанием не горит, но отец ее успокоил. Он сказал. Пусть едет. Учится. Глядишь, перебесится. Вернется. Купит пару пароходиков. Тут и пригодятся его знания. Будет владельцем заводов, дворцов, пароходов. Займет мое место.

– И она успокоилась? – Данька лукаво улыбнулся.

– Ты что, не знаешь ее? Так, немного. Она себе в голову вбила, что военные корабли прямо у причала тонут. Особенно, ночью. Она мне все твердит: Максим, ты на ночь надевай на себя спасательный круг. Парни, вы представляете, я сплю со спасательным кругом на шее.

Ребятам показалось это смешно. Данька предложил:

– Ты делай, как я. Вы выходите в море. Это обыкновенный морской круиз. Она же не раз ездила по Средиземному морю. Вот ты и скажи, вы отправились в круиз. Развлечься, отдохнуть.

– Ты сам своим родителям говоришь, что ты там, на Карибах, в круиз отправился? – Усмехался Максим.

– Да, говорю. Всякий раз. – У них в доме это вошло в привычку, как ритуал. Он успокаивал мать, а она делала вид, что верит в эту чепуху.

– И они верят? – Макс спросил, зная ответ.

– Нет, – сказал Данька, – конечно, не верят. Она же видела, как я два раза в этих окровавленных бинтах приходил. Только делает вид, что верит. Это у нас, как игра. Я пытаюсь ее успокоить, а она делает вид, что успокоилась. Но твоя-то мама не знает этого. Ты ей расскажи, как ты жить будешь на авианосце. Большой корабль. Там много прогулочных палуб. Вы будете гулять по палубам, есть мороженое, конфеты лопать. Там несколько бассейнов, всегда можно искупаться. Шезлонги всюду стоят. Лежишь, загораешь. Каюта у тебя первого класса. Поесть – в ресторан. Кругом киоски с сувенирами, бутики. Стюарты бегают, суетятся. Пытаются угодить своим пассажирам.

– Даня, думаешь, она поверит? – Максим откинулся на спинку кресла, чуть прищурился.

– Может ей так легче будет. – Предположил Данька. При этом он подмигнул Максиму. – Ты ей не проговорись, что на всех авианосцах для отдыха матросов сауны с девочками.

– Чего? – Встрял Славка. Это у него запас конфет закончился. Он с тоской и тревогой смотрит на пустеющую вазу.

Макс рассмеялся.

– И ты туда же, Славик. Теперь со мной на флот пойдешь, к девочкам? – Он по-своему понял интерес Славки.

– Ну, вас! – Огрызнулся Славка. Как можно думать о всякой ерунде, тем более далекой, когда ваза с конфетами рядом. Журавля в небе пусть другие ловят, синица в руках надежнее.

– Данька, ты так расписал, буду проситься на авианосец служить потом, когда закончу обучение.

Максим, тебе не служить на авианосце, но корабль, на котором ты будешь служить, прославится в веках.

– Вот, – грустно подвел итог тот парнишка, что был похож на Максима, – я никому не нужен. Меня на флот не возьмут.

– Брось, – успокаивал Юн. – Возьмут. Ты что, пострелять не хочешь. Из пистолета, из автомата.

– А можно будет? – Поинтересовалось детство Макса.

– Как без этого. Бах! Или чего кинуть. Гранату! Тебе все завидовать будут.

– Я буду стрелять, – обрадовалось детство Макса.

– Конечно. Как без этого.

– А ты, Юн? А Данька?

– Куда он денется. Он без меня, как без рук. Как он будет все эти рожи корчить, придуриваться. Ребята, говорят, что в старости люди впадают в детство. Даньке это не грозит.

– Почему? – Поинтересовалось Славкино детство.

– Потому, что он из этого детства никогда и не выпадал. Поэтому и впасть в него он не сможет.

– Ладно, они взрослые. Пусть занимаются своими делами. Скучно с ними. Пойдем на улицу, парни.

Эта троица тихонечко вышла из комнаты, оставив взрослых заниматься их серьезными делами.

Максим спросил у Даньки:

– Ты завтра пойдешь подавать документы в юридическую академию?

– Угу, – хмыкнул Даня, – пойду. Нечего откладывать, а то они снова будут меня отговаривать. Им надо, что бы я в нормальный институт пошел. Куда я, парни? В Исторический? Сидеть и копать в пыли. Не могу я так. Не мое это. Мне надо что-то поживее.

– А что? Тебе пойдет. – Говорил Максим. – Ты только смотри, не перепутай там. У тебя здорово получается, там ты пират, разбойник, а здесь закон защищаешь. Как бы и то и другое.

Славка, дожевывая очередную конфету, сказал:

– Не перепутает. Полицейские все – оборотни в погонах. – Получи, это тебе за мышей.

– Точно, – сказал Макс. – Они постоянно, либо сами воруют, либо крышуют. Во всех фильмах так. Вот забавно, представьте. Свен, капитан, сидит в каюте, пересчитывает пиастры, золотишко. Данька соскакивает с сундука и спросонья, приснилось ему, и как заорет: лежать! Работает ОМОН! Я тебя сейчас, Свен, в трюм на пожизненное засажу!

– Ладно вам, – смеялся Данька, – ничего я не перепутаю. Придумаете. Если полицейский, так сразу взяточник, бандит. А медики? Если верить телевизору, то там таких тоже

полно. Больничными торгуют, справками.

– Нет, врачи не такие. – Заявил Славка. – Мы клятву Гиппократата приносим.

– Ага, поклялись. – Максим усмехается. – Про нас моряков такого не скажешь.

– Про вас, моряков? – Данька опять придумал. – Раньше, у вас жизнь была лучше. Крейсер, сторожевик или что побольше продать. На металлолом. Деньги в карман. Сейчас похуже. Но тоже не плохо. Выйдите в нейтральные воды. Загрузите пару мешков герыча. Спрячете в ракетную шахту. Кто проверит. Военная тайна. Можно и адмиралу мешочек отсыпать. Этим вы и живете. На этом флот держится.

– Чего?! Ты зачем нас, моряков в грязь мордой! Чернуху на нас вешаешь. – Возмутился Макс. – Ты же сам моряк. И такие вещи!

– Максим, это я сдуру. – Говорил Данька. – Вы у нас лучшие. Вы, как это, гардемарины.

– Вот, вот. Думай, что говоришь. На рею вздернем.

– Хорошо, парни. Как пел Высоцкий, не клевети на нашу молодежь, она опора наша и оплот. То есть флот. Я исправлюсь, буду хорошим. – На лице Даньки искреннее раскаяние. Он обычный арлекин, и может надеть любую личину.

Еще полчаса мальчишеского трепка. Потом Данька сказал:

– Что? Пора, наверно. Кончай посиделки. Вам еще вещи складывать.

Они стали прощаться.

– Давайте, поклянемся в дружбе на века, – предложил Славка.

И они принесли клятву.

Данька не спеша пошел домой. Грустно расставаться с друзьями. Не просто стать взрослым. Он вернулся домой, в свою пустую квартиру. Родителей еще не было. Бесцельно слонялся по комнатам. От нечего делать включил телевизор. Плюхнулся в кресло напротив этого ящика. Прикрыл глаза и слушал в пол уха диктора, почти не понимая, что тот несет с экрана. Вернулись родители. Мать и Аркадий пошли переодеваться. После Мария Петровна на кухню. Надо кормит своих мужиков. Аркадий присел на диван. Листал какой-то каталог.

К очередной выставке готовится, – решил Данька.

После ужина все собрались возле телевизора. Извечная привычка людей. Еще древние люди все собирались возле костра или очага. А в новый век все приходят к голубому экрану. Мария Петровна вновь вернулась к своей мысли.

– Даня, может, ты в другой институт подашь документы? В хороший? – Мария села рядом с сыном.

– Мама, а юридическая академия не хороший институт? Туда все идут. – Вот опять начинается. Быстрее подать документы, и все обсуждения прекратятся.

– Хороший. – Соглашалась неохотно Мария Петровна.

Аркадий сказал:

– Вот именно. Все идут. А какой конкурс там. Ты дума-

ешь, поступишь? Туда поступают ребята, у которых связи есть. Родители работают в этой сфере. – Аркадий не стал говорить о том, что и так все знают. Или дать, кому следует, приличную сумму денег, или пойти на платное обучение.

– У меня баллы хорошие. – Даня очень хотел верить в свой успех.

– Ну, в наше время, баллы не самое главное. Может, передумаешь? – Пытался уговорить Аркадий пасынка.

– Нет. Не хочу я в пыли копаться. – Как они не поймут, он решения не изменит.

– Дань, – это мать, – зачем тебе это? Найди что-нибудь поспокойнее. Следователем, видите ли, он хочет быть.

– Не отговаривай ты его. – Аркадий безнадежно махнул рукой. – У него синдром Карибского моря. Ему адреналин в крови нужен. Все равно подаст туда документы.

– Да, Аркадий, я все решил. – Кажется, родители начинают его понимать.

Телевизор что-то бубнил. Но все эти заклинания, для сидящих возле него, не имели смысла.

– Ладно, – согласилась мать. – Я хоть пять лет смогу спокойно жить. Буду знать, что ты на занятия ходишь, а не бандитов ловишь. Хоть в этом мире не так тревожно будет.

– Маша, – Аркадий задумчиво смотрел на Даню, – а ты уверена, что наш Даня не найдет себе приключений здесь.

– Нет, не найду, – начал Данька. – Конечно, не найду.

Лицо Даньки опять было таким искренним. Таким чест-

ным. Глаза. Они сияли светом правды.

– За пять лет я могу передумать. А вдруг передумаю. Кончится обучение, и я пойду в нотариальную контору. Или стану юридическим консультантом в фирме. И в полиции есть разные отделы. Я смогу устроиться в отдел, где паспорта выдают, разные справки. Буду, как все нормальные люди на работу ходить. Утром ушел, к вечеру вернулся.

Данька врал. Врал безбожно. Он не говорил родителям, что больше года занимается в спецшколе разведки. Туда его пристроил Андрей Сотников, дядя Максима. Андрей Алексеевич был полковником ФСБ. Давненько в этой конторе заметили способного мальчишку. Зачем волновать родителей. Пусть живут спокойно. Родители, по крайней мере, мать верили сыну. Или делали вид, что верят.

– Вот и хорошо, – сказала мать, – может действительно, Аркадий, он передумает за это время. Старше будет. Сейчас он ребенок, и ему хочется чего-то необычного.

Марию Петровну ни Аркадий, ни Данька разубеждать не стали. Пусть надеется. Потом Даня отправился спать. Даня сел на кровать, взял с тумбочки плюшевого мишку, которого в детстве ему подарил отец. Погладил медведя, словно просил о помощи. Он лег, думая о том, как завтра пойдет в академию, что бы подать документы. Обычная процедура. Но утром Даня проснулся рано, с чувством какой-то тревоги, беспокойства. А возьмут у него документы или нет. Он поднялся. Еще раз проверил, все ли бумаги сложил в поли-

этиленовый конверт на кнопочке. Так, аттестат здесь, справка здесь, фотографии. Паспорт то же. Снова лег в постель. Полежал. Пора собираться. Он выпил кофе и отправился в юридическую академию. Данька мог бы сесть на троллейбус, но не стал. Полагал, что прогулка пешком поможет ему сосредоточиться и одолеть собственную робость. Он дошел до академии. Остановился. Прохожие идут туда и сюда, и не подозревают, как гулко бьется сердце в груди Даньки. Чего он так встревожился. Ничего же еще не произошло. Вновь нерешительность охватила его. Может ну ее, эту академию. Заскочить в первый попавшийся троллейбус или автобус, и в какую сторону он его понесет, в ближайший институт и подать документы. Думал Данька, опять труса празднуешь. Не стыдно. Ты – пират. Ты – помощник боцмана на пиратском корабле и струсил. Ноги почему-то не слушались. Данька вспомнил песенку. А когда заходить мне не хочется в клетку, ап, себе говорю я, и делаю шаг. Ап! И тигры у ног моих сели. Ап! И с тумбы мне смотрят в глаза. Ап, и кружатся на карусели. Ап, и в обруч горящий летят. Ап! Данька. Ап! И он пошел. Вошел в здание академии. Большой указатель: прием документов. Данька осмотрелся. Сколько здесь людей. Абитуриентов, конечно, меньше. Больше сопровождающих лиц. Родители, бабушки, дедушки. Все здесь. Некоторые в военной форме. С орденами. А он один. Может Аркадий прав? Черт с ним! Была, не была. Данька подошел к одной из стоек, попросил у девушки бланк заявления. Та

дала ему бланк. Даня нашел свободный стол, присел, что бы заполнить. Прочитал первую строчку. Фамилия, Имя, Отчество. Написал четким красивым почерком. Гринев Даниил Александрович. В конце заявления внизу страницы поставил подпись. Снова вернулся к той девушке, у которой брал бланк. Дождался своей очереди, присел на стул. Протянул заявление.

– Вот. – Просто не знал, что говорят в таких случаях. Все понятно и без слов.

Девушка взяла заявление, прочитала, повернул на другую сторону.

– Даниил Александрович, вы что, не видите?

Данька начал было оглядываться. Кто такой Даниил Александрович. Он не привык, что бы его так называли. Его так никогда не называли. Данька. Даня.

– А что я не видел? – Он и представить себе не мог, что упустил.

– На обороте ясно написано: медкомиссия института. Аудитории указаны, где принимают врачи. В любую из них приходите, и если врач считает, что по здоровью вы годны, придете обратно.

– Спасибо. – Если так положено, он готов идти.

Данька взял заявление. Посмотрел номер аудитории. Третий этаж. Бросился туда. Здесь очередь была значительно больше. Он занял очередь. Когда же дойдет до него. Вот дверь в кабинет открылась, и Данька вошел. Врач сидел

за столом и не смотрел на вошедшего. Только произнес:

– Проходите.

Данька подошел ближе к столу. Присел.

– Так, – теперь врач поднял взгляд на абитуриента, – дайте ваше заявление. Медицинскую справку из поликлиники.

Даня отдал заявление, извлек из конверта справку. Отдал врачу.

– Так, молодой человек, раздевайтесь до пояса. Давление померяем, послушаем.

Данька снял рубашку, врач измерил давление. Потом взял фонендоскоп послушать легкие. Врач заметил шрамы на теле парнишки.

– Вот это, молодой человек. – Врач показал на шрамы. – Мне надо посоветоваться с главным врачом. Может, у вас противопоказания. В справке ничего не сказано. Но у нас повышенные требования. Одевайтесь, погуляйте в коридоре. Я вас вызову.

Данька вышел.

Что скажет главврач? Вдруг он не годен? Слово то какое. Не годен. Не годный. Никуда! Вдруг его сейчас выгонят.

Врач не собирался звонить главному врачу. Он набрал номер заместителя ответственного секретаря отборочной комиссии.

– Олег Петрович?

– Да, слушаю.

– У меня тут один абитуриент. Подозрительный. У него такие характерные шрамы. Колото – резаная рана. И на пулевое похожая рана. Не знаю. Может, это результат несчастного случая. Посмотрите по базе, не ли криминала. Гринев Даниил Александрович. Жду вашего звоночка, Олег Петрович.

Данька ходил в коридоре, ждал. Было немного душно. Больно много людей здесь. Он подошел к окну, распахнул его настежь. Постоял. Подышал воздухом. Нервно смотрел на часы. Уже час ходит он в коридоре. Когда же его вызовут. Пошел второй час. Данька нервничал все больше и больше. Вот дверь кабинета распахнулась. Выглянула медсестра, пропуская очередного абитуриента на медосмотр. В руке у нее была бумажка. Сестра крикнула:

– Гринев.

Данька бросился к ней.

– Я. Я Гринев.

– Держите. – Медсестра протянула ему заявление и справку. Закрыла за собой дверь.

Данька держал бумаги в руках и никак не мог решиться посмотреть, что написал доктор. Собрался с духом, посмотрел. Годен! Он годен! Да, он годен. И побежал туда, где принимали документы. Подсел к той же девушке, что и в первый раз. Протянул заявление, улыбаясь. Та взяла заявление.

– Даниил Александрович, давайте остальные документы.

Данька вытряхивал содержимое своего пакета. Девушка

подшивала бумаги в скоросшиватель. Как она сказала, формировала дело. Потом, вшила конверт. Вложила его аттестат.

– Сейчас фотографии.

– Вот фотографии. – Даня протянул.

– С оборота подписать каждую. – Нервно сказала девушка. – Каждую в отдельности. Потеряются.

С этим было закончено. Фотографии нырнули в конверт. Девушка захлопнула скоросшиватель.

– Вот, – она взяла какой-то бланк, несколько галочек на листе. Расписалась. – Это опись документов. А это памятка, как вести себя в нашей академии. И читайте, что написано. В описи указано время собеседования, кабинет, придете, если найдете свою фамилию на доске объявлений по прохождению конкурса. Доска на первом этаже. Ясно? Если вас в списке не будет, придете сюда, заберете свои документы.

– Все? – Спросил Даня.

– Все, идите, – девчонка устала, нервничала. Достали.

Данька вскочил, прижал к себе эти теперь самые важные в его жизни бумажки и побежал домой. Документы приняла. Надо ждать собеседования. Его, возможно, примут. Тяжелое это занятие, ждать.

Часть 3

Не громкая музыка в салоне автомобиля. Рэм нажимает педаль газа, и машина легко трогается с места. Рэм не спешит. Зачем спешить тому, у кого в кармане вечность. Восток мудрее Запада. Древнеримских политиков раздражала медлительность восточных правителей, их умение затягивать переговоры. И они в своей поспешности совершали ошибки. Мудрецы Китая в покое и созерцании искали истину. Все, кто знаком с большими просторами, неторопливость времени предпочитают быстротечности. Рэм вспомнил байку о чукче. Он плывет на лодке по реке, курит трубку. Женщина, стоящая на берегу, кричит: перевези меня на ту сторону. Чукча сделал затяжку и произнес: дура баба, зимы подождать не может. Не стоит торопиться. Всему свой срок. Он зародил сомнение в Даньке, стоит ли подавать документы в юридическую академию. И чуть не выиграл. Можно было дать этому мальчишке подслушать разговор, как родители богатых и влиятельных детей устраивают своих чад в это учебное заведение, и Данька был бы в его руках. Рэм не торопился. Есть другие пути. Древние, соратники Романа. Скопище идиотов, думающих только о себе. Испугались своего могущества, скрылись. Как легко их одурачить. Подбросить мысль о самомнении людей. Боги существуют, пока в них верят люди. Человек просит богов о милости, а сам дума-

ет, как низвергнуть их. Человек провозгласил себя вершиной творения. И если эта «вершина» перестанет верить, то готова будет занять место Древних. Даня, простое орудие, может поверить в свою исключительность. Попросит для себя место рядом с Древними. Чуть потеснит их, а после изгонит из дома. И они поверили. Просят Романа избавиться от мальчишки. Убрать парня, и игра вернется к старым позициям. Партию можно начинать сначала. Игра должна идти долго, дарить наслаждение. Это еще один способ затянуть процесс. Рэм пока не хочет вступать в открытую схватку. Еще так много возможностей. У Бога чудес много. И Дьявол не прочь почудить. Роман, я только начинаю игру. Роскошный автомобиль остановился возле особняка. Выбежал слуга. Угодливо открыл дверку машины. Рэм вышел из машины и прошел в дом.

Ждать и догонять. Не благодарное это дело, а Даньке надо было ждать того дня, когда вывешат списки на зачисление. Он пытался успокоить себя, повторял, как заклинание слова Свена. Добродетель матроса: ждать и терпеть. Капитан так говорил, когда не хотел посвящать кого-то в свои планы. Когда Даньке очень хотелось узнать, что задумал капитан. Но это заклинание сейчас не помогало. Сидеть просто дома он не мог. И шляться по улицам тоже. Беспокойство не оставляло его ни на минуту. Большую часть дня он проводил в спецшколе. Он имел право приходить сюда всего на несколько часов, но сейчас сидел в школе весь день, наде-

сь, что занятия отвлекут его. Иногда заходил дядя Андрей. Подходил к нему. Полковник называл его Арлекин. Так требовалось по условиям школы.

– Ну, что, Арлекин, волнуешься? – Андрей Алексеевич волновался за каждого из этих троих ребят. Они настоящие, верные друзья. И он одобрял эту дружбу. Конечно, за родного племянника, за Максима, он волновался чуть больше.

– Да, товарищ полковник, волнуюсь. – Данька виновато вздохнул. Он даже перед боем на корабле не волновался, а тут чувство тревоги не оставляло его.

– А ты попробуй по-другому. Ты будущий разведчик. Настоящий разведчик, парень, должен вжиться в образ, как артист. Плохой артист, он как... Тут важно быть, а не казаться. Тот артист, который выходит на сцену и только кажется, он плохой артист. Он должен быть тем, кого играет. Вот и разведчик должен быть тем, кого в этот момент представляет. Без фальши. Попробуй сказать себе, все, что там происходит, тебя не волнует. Ты другой человек. Понял или я плохо объяснил? – Полковник улыбнулся.

– Кажется, понял. – Сказал Данька. Отошел. Шел по дорожке. Надо попробовать. Сейчас. Сяду в позу лотоса, нырну в нирвану. Не захлебнуться бы в ванне. Все, что касается Юридической Академии, меня не волнует. В этот момент в голове словно щелкнуло что-то. Он почувствовал необыкновенную легкость. Его ничего не волновало. Только занятия здесь. Он думал о том, что будет есть на обед. Все осталь-

ное ушло. Данька разбежался, подпрыгнул, перевернулся через голову в воздухе, приземлился на ноги. Чуть не сбил инструктора.

– Курсант, осторожнее, – сказал инструктор, но просто махнул рукой. Ребенок. – Лучше иди в класс, займись взрывным делом.

– Есть, товарищ инструктор, – отрапортовал Данька и поспешил в класс.

Он забежал перед самым началом занятия, плюхнулся за стол. Класс был не большой, всего восемь столов. Несколько стеллажей и шкафов с учебными пособиями. Вполне уютный класс.

– Поосторожней, Арлекин, – Постоянный сосед Дани на занятиях. Его зовут Тайга. Ничего дремучего в нем нет, очень сообразный парень. Скорее всего, родом из Сибири. Но здесь не принято обсуждать прошлую жизнь. В их отряде отличные ребята, почти как на его корабле. С такими не страшно идти в бой.

– С виду веса в тебе ничего, а будто тонна. – Продолжил в полголоса Тайга.

– Дело не в весе, а в количестве движения. Прости, разбежался, а притормозить забыл.

Сегодня рассматривали новые виды взрывных устройств. Инструктор, подполковник Измайлов, показывал небольшое взрывное устройство. По виду и не скажешь, что эта штука, будь в ней заряд, может разнести большое здание. Тут дело

в том, как заложить мину. О том, как такая «игрушка» может на деле сработать, Данька догадывался интуитивно. Создатель Большого взрыва был мастером, знал толк в подрывном деле. Курсантам рассказывали о разных типах мин, проводили практические занятия на полигоне.

– Курсанты, смотрите, мина по виду обычная. Мы с таким уже имели дело. Только взрыватель особенный, – подполковник показал небольшой стержень, в верхней части шесть рычажков. – Эта штука называется «подарок саперу». Вставляется в гнездо. Он может сработать от вибрации. Если мину пошевелить, она взорвется. Но есть возможность установить на определенное время. Смотрите, ниже этих рычажков или лепестков, как их чаще называют, стрелочка. Она указывает на тот лепесток, который может разрядить мину. Взрыватель вставляется в гнездо. Положение лепестка разрядки мины знает только тот, кто ее установил. Он может ее разрядить. Никто другой. Стрелка утоплена в гнездо, ее не видно. Лепестков шесть. Другой практически не имеет шансов обезвредить заряд. Вероятность угадать один к шести. Такую мину надо ликвидировать на месте. Понятно?

– Для ликвидации можно использовать защитные средства. – Продолжал Измайлов. – Для подрыва мины используют виброударник, действующий по удаленной команде. Защита от взрывной волны устанавливается по периметру. Ясно? – Инструктор строго посмотрел на подрастающую смену. Им еще долго набираться опыта.

– Так точно. – Ответил за всех один из курсантов.

– Посмотрим более интересные с точки зрения разминирования объекты.

Данька не выдержал:

– А может, ее можно разрядить. Товарищ инструктор, можно я попробую. – Данька тянет руку. Ему кажется, что уроки Свена чувствовать кожей, всем телом окружающий мир может пригодиться здесь.

– Арлекин, я сказал, практически это не возможно. – Вечно с этим парнем проблемы.

– А если у меня получится? – Даня умел быть по ослиному упрямым.

– Хорошо, проверим. Выйди из класса. Я вставлю в макет взрыватель. Ты войдешь и попробуешь. Убедишься.

Данька вышел. Постоял, потом постучал. Инструктор разрешил войти. Данька подошел.

– Ну, – сказал инструктор, – пробуй. Погадай на ромашке. Этот взрыватель так называют из-за лепестков. Угадать любит, не любит. Это игра в наперсток. Все равно обманут.

Даня протянул руку, не прикасаясь к взрывателю указательным пальцем начал считать.

– Любит, не любит, плюнет, поцелует, к сердцу прижмет, к черту пошлет. – Нажал лепесток. Взрыватель выскочил из гнезда. Мина обезврежена.

– Вот это да! – Инструктор удивился. – Угадал. Повезло тебе. А ну, выйди еще раз.

Азарт этой игры захватил и инструктора и курсантов.

Даня вышел за дверь. Вернулся, когда разрешили и вновь разрядил заряд.

Так повторялось раз семь.

– Ты это как делаешь? – Спросил инструктор. – Так везти не может. Не согласуется с теорией вероятности.

– Меня девчонки не любят. Я на ромашке гадаю, всегда получается «к черту пошлет».

– Ладно, поверю. Посмотрим другую мину. – То, что не подчинялось обычной логике лучше отложить в сторону.

Занятие закончилось, но удача Арлекина не выходила из головы подполковника. В конце занятия он попросил курсанта задержаться.

– Давай, Арлекин, я покажу тебе еще кое-что.

Он достал из шкафа чертежи.

– Это схема моста. Где, как ты думаешь, поместить взрывное устройство, чтобы получить максимальное разрушение. Такую задачку дают в Академии инженерных войск.

Даня посмотрел на чертежи.

– А еще какой-нибудь разрез есть? – У Даньки появилось ощущение, что чего – то не хватает. Он не понимал, что ему нужно, но это было очень важным.

– Вот, держи. – Измайлов достал еще несколько листов чертежей.

Перед мысленным взором Даньки промелькнули картинки. Он, словно наяву, видел мост.

– Установить надо в эту опору. На этой отметке есть монтажный проем. В него установим. Места достаточно и не видно.

– Ты прав, курсант. Но на разрезе проем не обозначен. Решение правильное. – Инструктор собрал чертежи. – Попробуй еще решить. Более сложная задача.

Инструктор достал другую папку с чертежами.

– Это турбина гидроэлектростанции. Как с ней быть? Куда подложить взрывное устройство? Торопить не буду. Тебе часа хватит, парень?

– Так точно.

Инструктор ушел. Даня разложил перед собой чертежи. Куда пристроить мину. Где-то внутри его головы замелькали картинки. Они мелькали с огромной скоростью. Турбина работала. Ротор вращался. Он нашел решение. Когда инструктор вернулся, Данька спокойно сидел. Он знал, что надо делать.

– Арлекин, решил задачу? Куда установишь взрывное устройство? – Парнишке не под силу решить такую задачу. Тут и специалист в области турбостроения не сможет так быстро справиться с этой проблемой.

– Товарищ полковник, не надо взрывного устройства. С ним возиться. Оно громоздкое, увидят.

– Что ты задумал, Арлекин? – Измайлов был удивлен. Не взрывать, а вывести турбину из строя. Сложная техническая задача.

– В этом фланце должно быть окошечко. Вот подшипники. Расстояние между ними небольшое. Если туда засунуть металлическую пластинку, типа линейки, вставить можно минут за десять. Подшипник будет шоркать по линейке. Нагреется где-то, через час. Подшипник накроется. Все.

– Так? – Неужели конструкторы не предусмотрели такой простой вещи.

– Еще, вот здесь предохранительное устройство. Мы его заклиним. Никто не заметит. И через час подшипник не выдержит. Нагрузка на ось турбины увеличится. Она начнет отклоняться. Градуса на три, четыре. Пойдет биение ротора. Резонанс через три минуты. И все пойдет в разнос. Турбину вырвет с фундаментов. По пути она еще чего разнесет. В машинный зал хлынет вода. Все, Бобик сдох.

– Арлекин. А ты уверен? – Спросил подполковник. Две маленьких случайности одновременно. Что-то попадает в подшипник и отказ предохранительного устройства. Тут и диверсанта не надо.

– Уверен, товарищ полковник. – В своей правоте Данька был полностью уверен.

– Свободен, курсант.

А вдруг парень прав. Если это сработает? Срочно надо проконсультироваться. Это инженерная ошибка может стоить дорого.

Вызвали нескольких экспертов в области турбостроения. Во главе с профессором Грибовым. Молодой профессор, лет

пятидесяти.

– Что придумали наши военные. С пустяками лезете, – Грибов был убежден, люди в форме и спортсмены думать не способны. Одни мыслят в рамках устава, у других мышцы заменили мозги. – Посмотрим, отчего такой переполох. – От дел отрываете. Мните себя специалистами.

Этим военным позволяют слишком много. Военные заказы, это всегда хорошо оплачивают, но пусть не лезут не в свое дело.

– Мы вас, как специалистов, и пригласили.

– Давайте.

Профессор хотел покинуть столь несерьезное совещание, когда объяснять ситуацию пригласили мальчишку. Детский сад. Издеваются. Но выслушать пришлось. О хлебе насущном и руке кормящей не забывал. Выслушал Даньку. В конце Грибов заметно нервничал. Даже губы задрожали.

– Черт возьми! Вы понимаете, что произойдет. Это катастрофа! Разнесет всю станцию. Ближайшее население пострадает. Сотни жертв. Если не сбросят воду в верхнем бьефе. Кто это придумал. Это преступление!

– Я предложил, – сказал Даня. – Если б полковник дал мне больше часа времени, я еще мог накопать.

– Мальчишка. Щенок! – Не удержался Грибов.

Даня подумал, что эти слова уже слышал от капитана Свена, своего отца. Только профессор пощечину не влепил.

– Надо посчитать. Проанализировать. Решить проблему

безопасности. Тут работы целому институту.

Поднялась волна. Колесо завертелось. Но Даньке было не до этих пустых проблем. У него другая головная боль. Зачисление. И от этого в голове может снести другую турбину. Его личную.

День пришел. Списки зачисления вывесили. А там собеседование. В здание Академии он вошел в тревоге. Сколько здесь людей. Не протолкнуться. Наконец, ему удалось добраться до заветной стены. Буква Г, где она? Вот. Так. Гринев. Его почти трясло. Гринев Даниил Александрович. Он! Это он!!! Данька выскочил и вприпрыжку бежал домой. Он пойдет на собеседование. Пойдет!

Вечером радость сменилась отчаянием. Пойдет на собеседование, а пройдет ли его. Может его просто выпрут.

Рэм доволен. Мальчишка славный, право, очень симпатичный. От этого еще интереснее наблюдать за тем, как он переживает. Будет жаль, если Древние сами его выведут из игры. Приятнее смотреть фильм, когда в кадре не уроды, а красивые актеры. Но одного слугу можно поменять на другого. Но все же жаль, если его убьют. Он, словно древнеримский император, поднял большой палец руки вверх. Рабу, гладиатору, можно подарить жизнь.

Даня не спал всю ночь. Поднялся рано и пошел. Стоял, дожидаясь своей очереди. Ужас детства готов был вернуться к нему. Многие воспоминания детства, переживания возвращаются к нам в самый неподходящий момент. Призраки

прошлого способны уничтожить нас. Он стоял, и тьма тянула руки. Ужас, который мучил мальчишку каждую ночь. Она хватала за горло, душила. Сейчас этому маленькому мальчишке надо зайти в кабинет, наполненный темнотой. Хотелось убежать, спрятаться. Есть только одно лекарство: он обязан одолеть себя. Его черед. Он переступил порог, закрыл за собой дверь. Выдохнул воздух. Сделал несколько шагов.

– Абитуриент Гринев Даниил Александрович, – воздуха в легких не хватило, он прервался, закончил. – Прибыл для прохождения собеседования.

– Так. Абитуриент, Гринев Даниил Александрович, – в комнате трое мужчин в форме. Женщина средних лет, секретарь. Она извлекла из коробки скоросшиватель, протянула председателю комиссии. Тот раскрыл личное дело, пробежал взглядом. Небрежно передал другому члену комиссии, сидевшему справа. Лениво задал вопрос:

– Почему вы решили поступать в нашу Академию? – Стандартный вопрос.

– Я хочу бороться с преступностью, – сказал Данька, – что б в нашем городе жилось лучше.

Председатель комиссии посмотрел на того мужчину, что справа. Тот задал вопрос:

– А что у вас со спортом? Есть спортивный разряд?

– Нет. Но у меня все в порядке со спортом. Я получу спортивный разряд.

– Хорошо, – мужчина еще раз внимательно посмотрел

в личное дело. И сказал, – я смотрю у вас загар хороший. Где вы предпочитаете отдыхать? В Турции или в Испании? – Мужчина улыбался. Некоторые из тех, кто подает документы в их учебное заведение, могут позволить себе это.

– Нет. – Признался Данька. – Я провожу время на Карибах. Там вода чище и климат мне подходит.

– На Карибах? – Лихой пацан. – И останавливаетесь в пятизвездочных отелях?

– Нет. У моего отца там дом. Кухарка, она прекрасная женщина, меня любит, как сына. За домом смотрит Леон, бывший моряк, и я в нем души не чаю. У нас там есть ранчо. И у отца корабль. Мы с отцом чаще на борту корабля проводим время. Скучно на одном месте.

– Это интересно, молодой человек, а не будет ли вам мешать учеба в Академии? На одном месте за партой. Скучища. – Откровенно смеется.

– Нет, совсем нет. Я придерживаюсь того мнения, что делу время, потехе – час.

– Хорошо. Хорошо.

Данька не видел того первого листа, что вшит в его дело. Это была характеристика-рекомендация. Ее доставили из Москвы в ректорат фельдъегерской почтой. Дядя Андрей постарался. Даня об этом не подозревал. В левом верхнем углу этого листа размашистым почерком написано: зачислить. И подпись ректора. Кто станет спорить с начальством? Себе дороже. Видимо, у этого паренька хорошая поддержка там,

наверху. Пусть учится. Председатель комиссии взял листок, что-то написал на нем и протянул Даньке.

– Поздравляю вас, Гринев. Вы зачислены. Студент.

– Спасибо! – Обрадовался Даня. – Служу России!

– Будете служить России.

Данька взял заветный листок выписки из приказа. Выско-
чил в коридор. Подпрыгивал от счастья. Танцевал фламенко.
Выхватил из кармана сотовый телефон, набрал номер.

– Мама! Мама! – Кричал он в трубку.

– Даня! Даня! Что?

– Меня зачислили, мама! – Он бежал по коридору, кру-
тился вокруг своей оси. Налетел на парня.

– Ой! – Сказал Данька. – Простите.

По виду парня было ясно, он не слишком доволен, что
на него налетели. Даня приветливо улыбнулся, протянул ру-
ку и сказал:

– Меня зачислили только что. – Это звучало, как извине-
ние.

– Меня тоже. – Парень теперь улыбался и пожал протяну-
тую руку. – Тебя как зовут, счастливчик?

– Меня, Данька. Ну, Даня. А тебя? – Данька пригляделся
к своему собеседнику. Выше его ростом, карие глаза, прямой
нос. Светлая рубашка в синюю полоску.

– Меня, Гришей. Можно, Гриней. Будем знакомы.

– Мы с тобой на одном курсе будем учиться? – Востор-
женно спрашивал Даня.

– Ага, на одном. А ты куда спешишь? – Гриша парень общительный. Так получилось, что в этом городе у него еще нет друзей, и он не прочь поболтать с кем-нибудь. Отец получил новое назначение, и прощай насиженное место.

– Домой. – Куда еще податься хлопцу.

– Если торопишься, могу подвезти. – Предложил Гришка. – У меня рядом машина. Хочешь?

– Давай, – согласился Даня.

Они вышли из здания Академии, нашли на стоянке машину. Это был крутой внедорожник. Сели. Данька оценил это средство передвижения, сказал:

– Гриша, у тебя крутая тачка. – Данька не мечтал о машине. Теперь он мог купить ее, но считал хлопотным думать о парковке, о бензине, ремонте.

– Это не моя. – Сказал Гриня. – Отец дал. По случаю, на сегодня. Он на служебной машине чаще ездит. Мне иногда дает свою машину.

– А, у тебя и папа крутой, как я понимаю. – Сказал без задней мысли. У Максима отец тоже был не самый простой.

Гришка бросил взгляд на Даньку.

– Он, конечно, в чинах. Только ты никому не говори. – Не хочет он, что б его считали папенькиным сыночком, которому все дается по воле родителей.

– Если не хочешь, не скажу. – Данька не любил обсуждать с кем-то чужие дела. И не станет рассказывать о том, что знаком с тем, у кого такой крутой папа.

– А ехать куда, Даня?

– Сейчас покажу. На Тракторную улицу.

– Я не знаю, где это. Мы недавно в вашем городе. Отца сюда перевели по службе. Он раньше нас с матерью приехал. А мы с мамой позже. Когда отец устроился на новом месте. У нас в нашем городе сад был. Мать ждала покупателей. Так, что я ни города не знаю, и знакомых нет.

– Я покажу. Сейчас прямо, на следующем перекрестке свернешь, – Данька показывал, как проехать к его дому. Подъехали к самому дому.

– Спасибо, Гриша. За то, что довез.

– Не за что. Мы ж с тобой однокурсники. – И слово это звучало новой музыкой.

– Слушай, Гришка, – заявил Данька, – раз мы с тобой однокурсники, номерами телефонов обменяемся.

И они обменялись номерами телефонов, словно верительными грамотами. Они совсем прощались, когда Гриша спросил:

– Данька, а ты не будешь против, если я позвоню тебе, куда-нибудь выберемся. Ты мне город покажешь. Мне одному дома сидеть стремно. А знакомых нет. Только ты.

– О чем речь. Звони. Будет время, звони. И отправимся по городу. Мои друзья тоже разъехались. Они в других городах поступают.

Они еще раз попрощались, и Данька пришел к себе домой. Нервное напряжение этих дней прошло. Вечером с работы

пришли Мария Петровна и Аркадий Аркадьевич. С порога они поздравляли его.

– Данька, поздравляем, молодец! – Мать и Аркадий обнимали его. – Это тебе.

Большой букет цветов и огромный торт. Масляный, как он любил.

– И еще тебе подарок, – смеялся Аркадий, – свисток. Будущему полицейскому.

– Спасибо.

Они долго пили чай с тортом. Любопытная кукушка выглядывала из своего домика в часах. Незабываемый вечер.

– Что, доволен? – Спрашивала мать.

– Да, мама. Я давно хотел. – Сейчас все страхи и сомнения остались позади. Он словно расправил крылья.

– А что у тебя там, на Карибах? – Горе ты мое маленькое, думала Мария.

– Пока мы на берегу. Капитан не говорит, когда мы выйдем.

Аркадий покачал головой.

– В море. В круиз, значит? – Каждый выход в море вызывал тревогу. Без боя такие «круизы» не обходятся.

– Да, в круиз. – Даня вспомнил, как учил Макса учебные походы именовать прогулками. Круизами.

– Ты еще матери скажи, что у вас парусная регата. – Ехидно заметил Аркадий.

– У нас парусная регата намечается. – Даньке понрави-

лась эта мысль. – Наша команда выходит на соревнования под флагом «Веселый Роджер». Мы на первое место рассчитываем.

– Хвастун, – Аркадий не осуждал пасынка за его ложь. Если этот мальчишка врал, то в его вранье не было коварства, его ложь была безвредна. Не лжец, а фантазер. Враль, добрый враль.

– Вовсе нет. У нас и девиз есть: любая смерть за ваши деньги. – Этот девиз он придумал только что.

Мать всплеснула руками.

– Даня, что за юмор у тебя! Что это такое? – Мария Петровна убирала посуду, а мужчины сидели с ней на кухне.

– Мама, я пират. И юмор у меня пиратский. – Даня изобразил на лице свирепость. Это выглядело не страшно, скорее забавно.

– Детский юмор. Как был ребенком, так и остался. – Мать готова прощать сыну шалости.

– Мама, я уже взрослый. – Сказал Данька. – У меня аттестат зрелости на руках.

Аркадий улыбнулся.

– Аттестат зрелости. Ты для матери и для меня до седых волос будешь ребенком.

– Мне что, – начал горячиться Данька, – принести вам аттестат старости?!

– Такого, – успокаивала его мать, – еще не придумали.

– Придумали. Придумали, – бурчал Даня, – аттестат ста-

рости – это пенсионное удостоверение.

– Даня, зачем так грубо, – пыталась остановить его мать, – назвал бы это аттестат пожилого человека.

– Мама, это лицемерие. Вы постоянно почему-то лицемерите. Идет бабуля. Вся согнулась. Клюка в руке. Шепелявит. Ножками шаркает. Говорит: спину пересело. Присесть бы. Я дама бальзаковского возраста.

– Даня, не хорошо так над стариками, – сказал Аркадий. Но юность бывает жестокой, не сознавая этого. Ростки будущего могут отзываться болью корней.

– Я ничего не имею против. Только все надо называть своими именами. Я тоже буду стариком.

– Даня, тебе об этом рано думать. Ты ребятам позвонил? Максиму, Славке?

– Ой, мама. Нет, конечно. – Данька вскочил и побежал в свою комнату, звонить.

Схватил сотовый телефон, начал набирать Славку.

– Славка. Славка? – Вот он, голос друга на том конце линии.

– Да, Даня. – Солидный, чертяка. Профессор, с мальчишеским голоском.

– Славка, ты как, поступил? Зачисление было? – Данька только теперь сообразил, что неудача друга для него будет большой бедой, что закроет солнце его радости. Встревожился.

– Да. Меня зачислили. Еще вчера. Я бы тебе позвонил,

но так перенервничал, что у меня температура поднялась. Сейчас полегче стало. Думал тебе позвонить. А у тебя как, Даня? – Ну, вот, самостоятельный. Какого лешего тебя в эту Москву потянуло. Тебя на минуту оставлять нельзя.

– Все здорово. Меня зачислили. Поздравь. – Это он хрипит или пытается басить, мужика из себя корчить.

– Поздравляю. А ты Максу звонил? – Все-то надо напоминать этому фельдшеру.

– Сейчас буду звонить. Передам от тебя привет.

Слава, Славка! Тебе придется отправиться в поход вместе со своими беспокойными друзьями. Не скоро, но тебе потребуется вся твоя смелость. И рисковать жизнью рядом с ними. И как тогда, на колесе обозрения отчаянно верить в них.

– Я тоже буду ему звонить, – кричал Славка.

После Данька звонил Максиму.

– Алло, Макс.

– Даня, привет, – послышался голос Максима. Уверенный, твердый.

– Что у тебя там, Максим? – Как здорово услышать этого бегемота. Крепкий, его так просто жизнь с ног не свалит.

– Зачислили. Я теперь на военном положении. Представь. – Нашел чему радоваться.

– Поздравляю, Макс. Меня тоже зачислили. Я сейчас нашему Славке звонил. Его зачислили. Наш фельдшер так перетрусил, что у него температура. Он еле в себя пришел.

– Славка, он и есть Славка. Что с него взять. Будущий док-

тор. – Говорил Максим. – Если честно, то я струхнул порядочно. Думал, не возьмут. Никогда не думал, что так перепугаюсь. Это тебе все нипочем. Ты пират.

– Не стану врать, Макс. И я боялся. Я когда документы шел подавать, чуть труса не спраздновал. Пойду в другой институт. А потом решился. Пираты тоже чего-то боятся в этой жизни.

– Даня, не бери в голову. Мы все, трое, студенты. Буду звонить фельдшеру.

Максим положил трубку. Даня отложил телефон. Сидел, закинув руки за голову, прикрыл глаза. Улыбался. Они студенты.

Часть 4

Данька сегодня встал немного позже. Родители ушли на работу. Он мог позволить себе расслабиться. Покоем и радостью наполнено сердце. Даня позавтракал, вернулся в свою комнату. Присел на стул, лениво потянулся. Подумал о том, что хорошо бы сообщить о зачислении отцу, капитану Свену. Позвонить бы ему по сотовому. К сожалению, невозможно позвонить в иной мир. Нет роуминга. Данька улыбнулся. Можно отправиться просто так. Данька не подозревал, что Роман, таково мирское имя Сеятеля-Жнеца, играл со временем и пространством. В своем человеческом облике он был песчинкой, точкой в пространстве, но оставался Древним, одно из проявлений Извечного Сущего. Роман использовал то, что ему было присуще, как Древнему. Ему требовалось перестроить возможности пространственной иглы, Даньки. И делал он это осторожно, постепенно. За последнее время Даня освоил новую возможность перемещения. Не обязательно засыпать, что бы перенестись из одного мира в другой. Надо просто сосредоточиться. Это он и решил сделать. Встал посреди комнаты. Закрыв глаза. Сосредоточиться. Перемещение. Нужно почувствовать тонкую струну. И сказать ей: пой, гитарная струна. В воздухе что-то натянуто. Мысленно прикоснулся пальцами к этой струне. Легкий приятный звон, по телу пробежало тепло. Он очутился

в другом мире. Открыл глаза. Родной остров Тортуга.

Сегодня завтрак Рэма был очень скромным. Это соответствовало его настроению. Сама кротость и смирение. Агнец господень. Слуга вытянулся возле стены, ожидая указаний хозяина. Парень лет двадцати, короткая аккуратная стрижка. Так любит хозяин. Взор хозяина не должен упираться в то, что не угодно повелителю. Черные джинсы, белая рубашка и галстук бабочка. Рэм подумал, может обрить его налысо. Или приказать утопить. Голову парня засунут в лохань с водой, он будет трепыхаться, вырываться из рук палачей. Жизнь покинет это тело. Какое никакое развлечение. Рэм перевел взгляд на кофейник на столе. По воле этого взгляда слуга бросился наполнять чашку хозяина горячим напитком. Холод коснулся плеча парня, рука его дрогнула. Струйка напитка пролилась мимо чашки.

– Доминик, – укоризненно произнес Рэм.

– Хозяин.... – Доминик знал, как неумолим и жесток может быть повелитель. Малейшая оплошность будет наказана.

– Как ты мог.... – Рэм притворно изображает сочувствие. Голос почти ласковый. Добрый отец пеняет сыну.

– Я сейчас уберу, хозяин. – Ласковый голос хозяина еще больше пугает. По недоброму взгляду Рэма он чувствовал, как смерть вошла в комнату. Двое в черном уже стояли за спиной.

– Ты посягнул на своего господина. Замыслил не доброе. – Виновен каждый смертный. Рэм это и есть правосудие.

– Я не смею, господин.

– Я вижу твои черные замыслы, – Печаль в голосе Рэма. Забавно, этот раб еще пытается избежать своей участи.

– Господин, мои помыслы чисты. Мое призвание служить вам. – Любое слово обреченного можно обратить против него.

– Твоя дерзость не знает границ, Доминик. Не только в мыслях, на словах ты осмелился заявить, что я не прав. Ты светлым называешь черное. Утверждаешь, что я ошибаюсь. – Вот и нашлась вина.

– Господин, – парень упал на колени. – Ваша правота и милосердие не подлежат сомнению.

– Подойди ближе. – Парень подполз к хозяину на коленях.

Рэм запустил пальцы в волосы слуги, приподнял его голову. В глазах Доминика ужас.

– Молю, Непогрешимый, даруй прощение своему ничтожному рабу.

Рэм улыбнулся. Его рука скользнула по щеке парня. Он взял его за подбородок. Повернул голову в одну сторону, потом в другую. Симпатичный парнишка.

– Ты слишком неловок. Мое милосердие велико, я позволю тебе поцеловать мой тувель. Не каждому я дарую такое счастье. – Рэм отпустил голову парня.

Доминик торопливо склонился, коснулся руками тувеля, припал к нему губами. Дважды поцеловал.

– Это дерзость, Доминик. Я только раз позволил тебе

коснуться губами моего туфля. Я кроток и щедр. Можешь встать.

Парень поднялся на ноги, не веря своему счастью. Господин помиловал его.

– Вы свободны, – Бросил Рэм палачам. – Тот, кто удостоен чести целовать мой башмак, прощен.

– Уберешь со стола, Доминик, и пока свободен.

В своем кабинете Рэм закурил сигарету, затянулся сладким дымом. Из этого мальчишки получится славная игрушка. Развлечение в минуты скуки. Он поведет его по тонкому лезвию между жизнью и смертью. Игра в кошки мышки. Рэм услышал тихий звон струны перемещения. Данька скользил из одного мира в другой. Пусть. В игре не стоит спешить. Пока его братец Роман в приступе милосердия подносит судно больным в госпитале, он найдет себе другие развлечения. Пусть хромой калека тешит себя мыслями о добре. Он не представляет, что такое истинное добро. Игра будет долгой, надо обустроить свой быт. Нанять секретаря из людишек. Предназначение человека – безропотно служить Древним, другой пользы от них нет. Роман, брат мой, во мне нет всепрощения, думал Рэм. Мы с тобой одно целое, я то, что ты прячешь глубоко в своей душе. Они заплатят за каждую твою слезу. Я всегда знал свое предназначение. Ты узнал о том, кто ты есть недавно. Кем был ты? Во время войны Древних тебя спрятали на этой планете. Кто будет искать в этой дыре воплощение первого Древнего. Ты рос

в сиротском доме. Сколько слез ты пролил ночами, будучи ребенком. Но сохранил к ним любовь. Ты забыл, что обслуга детского сада обворовывала вас? Мясо, масло и немногие фрукты исчезали из кухни. Помнишь ту рубашку, старую зеленую рубашку? Ты порвал ее, перелезая через забор. Тебя на сутки закрыли в чулане. Любовник ночной няни избил тебя за то, что ты помешал им развлекаться. Я все помню. Мне отмщение и аз воздам!

Родная комната в доме Леона. Данька подошел к окну, распахнул его, впуская свежий воздух, несущий запах моря и южного тепла. Он чувствовал, как за домами плещется море. Знал, в гавани ждет его «Скиталец». Здесь все его родное, даже облака в небе. Обвел взглядом свою комнату. Все родное и знакомое. И стол, который он поставил ближе к окну. Большую часть дня он в тени. Стулья возле стола. Тумбочка с кувшином и тазом для умывания. Массивный комод, где он хранит одежду. Большой кованый сундук. Это постарались Хуан и Леон. В этом мире матросу просто необходим сундук. Хуан начистил это чудовище до блеска. Кровать, заправленная периной. Трясти ее не самое легкое занятие, но.... Данька прислушался. В доме тихо. Неужели все разошлись. И капитан Свен уехал. Данька вышел в коридор. Подошел к комнате отца. Прислушался. Тихо. Возможно, тот в столовой. Данька пошел туда. Заглянул в приоткрытую дверь. Капитан сидит возле стола, развалившись на стуле. Закинул руки за голову, прикрыл глаза и улыбается.

«Что ты задумал, капитан?» – Гадает Данька. – «Что ты планируешь? Но спрашивать, правда, капитан бессмысленно. Ты не скажешь. Такой ты у нас таинственный капитан. Ладно, сейчас не время спрашивать». Данька вошел.

– Папа, я вернулся. – Он был готов прыгать от радости.

Капитан открыл глаза.

– Даня, ты вернулся. Ну, как? – Свен с надеждой смотрит на сына. Он такой славный, такой умный. Его должны принять в этот задрипаный институт. Там просто не может быть никого лучше его мальчика.

– Папа, меня зачислили! – Почти выкрикнул Данька. – Зачислили.

– Молодец! – Свен вскочил на ноги, подбежал к сыну. Обнял его. – Молодец, парень. Я знал, верил, что тебя зачислят. Ты же самый лучший.

– Пап, там были не плохие ребята и кроме меня, – начал как бы оправдываться Даня.

– Нет. Нет, – смеялся Свен, – ты все равно лучший. Кого зачислять, если не тебя, сынок. Проходи, садись. Рассказывай. Рассказывай, как это было.

Даня сел на стул. Напротив сел отец. Мебель тут крепкая. Такая в большинстве домов. Все делается на многие годы. У Свена мебель сделана хорошими мастерами. Стулья с резными ножками и спинками. Шкафы для посуды украшены накладками из светлой древесины. И стол при всей своей массивности выглядит почти воздушным.

– Давай, Даня. – Капитан ждет, когда сын расскажет ему обо всем.

– Все было, как обычно. – Заявил Данька. Он не мог сразу сообразить с чего начать рассказ.

– Как обычно, Дэн. Я же не знаю, как обычно. Рассказывай. – Велел капитан.

Дэн задумался. Потом начал.

– Я стоял в коридоре. Ждал своей очереди. Если честно, я струхнул. – Дэн покаянно наклонил голову на левый бок.

Свен рассмеялся.

– Боцман, ты испугался? Тот, кто лезет в бой впереди всех, боится? – Свен отлично все понимает. Многие герои могут оробеть в простых ситуациях. Кто из мужчин не терял уверенности, делая предложение любимой женщине.

– Пап, там совсем не бой. Там страшно. – Дэн знал, что говорит. В первый свой бой впереди всех он бросился из страха, что его посчитают трусом. Потом капитан вlepил ему за это.

– Ладно. Ладно, – успокаивает капитан сына. А Данька продолжал:

– Я зашел, отрапортовал, как положено, прибыл для собеседования. А там три дядьки сидят. Председатель спрашивает, почему, зачем я иду в академию. Я, как положено, защищать закон. А тот, что справа привязался. – Даня снова переживает эти минуты, глаза блестят. Голос по мальчишески звонкий.

– К чему привязался? – Спросил капитан, недовольный тем, справа. Попадись ему этот, так не ушел бы от клинка.

– Он обратил внимание на мой загар. Где вы отдыхаете? В Турции, в Испании? – Дэн передразнивает экзаменатора. – Я правду сказал.

– Какую правду? – Свен теперь сурово смотрел на сына.

– Я обычно отдыхаю на Карибском море. – Вот какой он крутой.

– Так, – кивнул головой капитан.

– Он опять, в каком отеле останавливаетесь? Наверно, в лучшем? – Данька подражает голосу члена комиссии. – Я ему, нет. Я в отеле не останавливаюсь. У отца там дом. Но обычно, мы с отцом на месте не сидим. Я же ему правду рассказал. Обычно мы ходим на яхте. Под парусом. На «Скитальце». Отдыхаем.

– Значит, отдыхаешь, Дэн. Боцман Дэн, ты на «Скитальце» отдыхаешь? – Капитан сурово погрозил сыну пальцем.

– Да, папа.

– Отдых? Спортивно-оздоровительный лагерь. – Вот мальчишка. Опять полезет, не оглядываясь на опасность.

– Ну, да. Спортивно-оздоровительный лагерь. И у нас любимая спортивная игра «абордаж».

– Даня, сейчас дам в лоб. Хочешь?

Данька потупился.

– В лоб-то зачем? Можно, по обыкновению, повесить меня на рее. – Хитро смотрит на отца.

– Точно, Даня, получишь. Ох, получишь! Какая спортивная игра! Если ты будешь так относиться к бою, как к игре, точно схлопочешь. Я тебя на берег спишу!

– Пап, ты чего?! – Данька испугался. Без моря и корабля он не представлял себе жизни. Для него списание на берег было самым страшным наказанием.

– Рассказывай дальше. – Капитан махнул рукой: проехали.

– Они мне выписку из приказа дали о зачислении. – Это самая главная новость.

– Молодец. – Свен горд за сына. И воин отличный, и парень умный.

– Я выскочил, как ошалелый. Маме звоню. Тут под ноги какой-то пацан попал. Я на него налетел.

– Ну? – Что за дурак прыгает под ноги корсару.

– Его тоже зачислили. Гришкой зовут. Мы с ним подружились. – Дэн доволен, в первый же день в академии у него появился приятель.

– Хорошо. А потом? – Капитан хочет знать все. Это его сын, это его зачислили в институт.

– Вечером мама пришла и Аркадий. Они здоровенный торт принесли. Объедение. Цветы. Подарили мне свисток. Как будущему полицейскому.

– Отлично. Свисток полицейскому. Я тоже подумаю, что подарить тебе по этому случаю.

Данька лукаво улыбнулся.

– Они мне еще один подарок готовят. – Дэну не пришло в голову, что это известие не доставит радости отцу. Просто не пришло в голову.

– Какой? – Улыбался капитан. – Что-то ценное и памятное.

– Ценное и памятное, Свен. Они хотят подарить мне братика или сестренку.

– Что? – Спросил капитан. Он немного побледнел. Но тут же попытался улыбнуться. Ему это удалось. Но Данька увидел, что отцу тяжело принять это известие. Его любимая жена, Маша, Мария ждет ребенка от другого мужчины, за которым она замужем сейчас. С которой ему, капитану, уже не придется свидеться. Для которой он живет в другом, потустороннем мире. Свен взял себя в руки.

– Ты поздравь их там от меня. Поздравь, Данька. Молодцы! В самом деле, это – здорово. И тебе будет хорошо. Тебе надо, что б был кто-то младший. О ком ты мог бы заботиться. Хоть иногда думал своей дурной башкой и не лез в бой очертя голову. – Свен пытался в этом найти себе утешение.

– Папа, я и так постоянно думаю своей, – Даня шмыгнул носом, – дурной башкой.

И в самом деле, башка у него дурная. Мог бы сказать поделикатнее.

– То-то же.

– Пап, а где все остальные? – Даня обвел взглядом комнату.

– Леон? И Жанетта? Эти голубки поехали прокатиться. Они все еще чувствуют себя молодоженами. Воркуют. Пусть.

– Пусть, – согласился Дэн, – им надо побыть без нас. А где Хуан?

– Хуан? Лучше бы ты не спрашивал об этом паршивце. – Свен рассмеялся. – Глаза б мои его не видели.

– А что случилось? – Чего учудил этот испанец. Опять влюбился? С ним это уже было. В тихом омуте черти водятся.

– Этот паршивец, испанский негодяй, так пыжится и важничает. И знаешь, отчего? Жанетта сказала, что он главный ее помощник. Главный управляющий. Вот он и возгордился. Теперь к нему не подступись, что называется, на хромо́й козе не подъехать.

Данька пытался представить Хуана вельможным сеньором. Как он пыжится? Когда-то этого испанского мальчишку захватили на испанском корабле, где он был юнгой. Он прятался в трюме за тюками. И капитан обещал сжечь этого парня живьем на площади. Дэн тогда упрашивал Свена, что б парня помиловали. Свен упрявился. Кричал: у пирата каменное сердце! Ах, папа, папа. Пират. Какое ж у тебя каменное сердце! Оно у тебя мягкое, как воск. Хуан был напуган. Он был таким растерянным. Парню не везло в жизни. Его за деньги родной отец продал или отдал в услужение испанскому торговцу. Отец продал своего старшего сына на корабль, который уходил в Новый Свет, что бы про-

кормить оставшихся детей. Отдал навсегда. Хуан твердо верил, что он, слуга, нерадив, ленив и прожорлив. И хозяин должен побоями учить его уму. Это святая обязанность хозяина. Слуга должен молиться за такого благодетеля. Хозяин из милости кормит и поит слугу, дает работу, кров, одежду. Хозяин заботится о неразумном слуге. И сейчас Хуан важничает? Да, у Бога чудес много!

– А сейчас он где?

– По дому шляется. Откуда я знаю. – Ответил капитан. – Поищи. С тобой он, наверно, не так, как со мной будет разговаривать. Важный сеньор на пирата смотрит свысока.

– Это как, батя? – Вот это номер! Забавный парень Хуан.

– Прикатился. Зашел в мою комнату. Важный. И заявил: этот таз (это он о моем тазике для умывания) мы выбросим. Кувшин тоже. Заменим. Капитану надо что-то другое. Представь, это он мне. В моей комнате! – Капитан был возмущен, но и посмеивался.

Дэн знал, как трепетно относится отец к своим вещам и милому сердцу беспорядку в своей комнате. За подобное он и убить мог. Но Хуаны это не грозило.

– Я хотел запустить в него чем-нибудь. Но под руку ничего не попало. Он важно вышел и прикрыл за собой дверь. Я минут десять не мог в себя прийти. Иди, сам разбирайся со своим Хуаном. – Махнул рукой. Свен все же любил этого проказника.

Даня вышел из комнаты. Испанец в своей комнате укрыл-

ся, решил он. Про себя Дэн мог сказать строчками своего стишка.

Море мне мать, отец – капитан.
Рожью наполнен дырявый карман
Родиной страннику станет чужбина,
Горстка соломы станет периной.
Ляжет земля одеялом на грудь
Даст после странствий мне отдохнуть.
Где-то по мне плачет стая волков,
Слезы прольются из облаков.
Я человек, что не знает смиренья,
Крест свой несущий с рожденья.
Я лишь скиталец среди этих миров,
Ждущий карету последних даров.

Он заглянул в комнату Хуана. Остолбенел. Остановился на пороге. На полу толстый дорогой ковер. Раньше был обычный. В углу резная тумбочка, фарфоровый таз тонкой работы. Серебряный кувшин для умывания. Комод дорогого дерева. А стол? Резная отделка с позолотой. Резные кресла со львами на подлокотниках. На стенах тканевая обивка. Кровать? Здоровенная кровать под балдахин. Занавеси с оборочками. Это, да! Сеньор! Не слишком ли жирно?! Ленив, нерадив и прожорлив. Это пустяки. Ты спесив! Самого владельца этой роскоши на месте не было. Дэн пошел искать этого управдома дальше. Может он во внутреннем дво-

рике? Данька был прав. Хуан сидел в тени в плетеном кресле. Перед ним кувшин с прохладным лимонадом. Парень попивает прохладный лимонад из чаши венецианского стекла и задумчиво смотрит в пространство. Даня подошел ближе и громко сказал:

– Хуан! – В ответ парень лениво поднял взгляд на пришедшего.

– Дэн, ты? – Испанец королевским жестом поставил чашу на стол.

– А кто еще, Хуан? – Рука Даньки зачесалась. Отвесить бы по шее.

Хуан лишь махнул рукой.

– Хуан, я жрать хочу! – Заявил Даня. Может хоть это приведет в чувство наглеца.

– Господи, ты мешаешь мне думать. – Заявил Хуан.

– Нечестивец, что ты говоришь. Это Господь мешает тебе думать. Он просто отнял у тебя разум. Ты о чем думаешь? Паршивец!

– Кто?! – возмутился Хуан. – Как ты меня назвал?

– Паршивец!

– Я главный управляющий дома. Сейчас решаю важную задачу. Как преобразовать этот дом, что бы он выглядел достойно.

Даня про себя выругался. Еще один считает, что ему известно, как обустроить Россию, мир. Этот о доме.

– Я тебе выпишу очень достойную затрещину. А? – За-

явил Дэн.

– Не посмеешь. Жаннетта тебя кормить перестанет. – Но покосился на боцмана с опаской. Этот может.

– Меня перестанет кормить Жаннетта? – Дэн возмутился.

– Конечно. Ты не испытываешь никакого почтения к главному управляющему. – Хуан приободрился, вспомнив о величии своей должности.

– Иди на кухню, иначе я поволоку тебя туда за шкварник.

– Чего это ты? Ну, Дэн, ты чего? Совсем уже. Сейчас я иду. – Важность слетела с этого испанского гранда. – Что хотел?

– Собери мне поесть. Потом думаю съездить к Ронни. Гостинцы пацанам, его братьям, отвезу.

– Давай. – Хуан согласился. Но на кухне он вновь набросил на себя важность.

– Встал бы пораньше. Не пришлось бы мне разогревать. Огонь разводить.

– Хуан! – Предупреждающе воскликнул Дэн.

– Хорошо, хорошо. – Испанец начал собирать Даньке на стол. После взял корзину и сложил угощение для братьев Ронни. Младших братьев рыбака он любил. Расстареется. Дэн поел. Хуан отдал ему корзину.

– Держи. Тоже мне, боцман. Коляску сам запряжешь? – Ворчал Хуан. – А то у меня дел невпроворот.

– Какие у тебя дела? – Похоже, придется выписать лекарство этому малому.

– Мне надо обдумать, какую мебель поменять в твоей комнате и у капитана. Прежде всего, у капитана.

– Хуан, – начал Даня увещевать больного звездной болезнью, – в комнату Свена не суйся. А то он тебя порвет, как Тузик грелку.

– Кто порвет? Как? – Заморгал глазами Хуан.

– Тебя разорвет. Как лев добычу. Шпагой. Понял?

– Понял. – Но взгляд говорил об обратном.

– Все. Я уехал к Ронни.

Дэн взял коляску и выехал. Знакомая мостовая городской улицы. Этот город он принял поначалу за город мечты, Зурбаган. Столицу лихих пиратов принять за город романтиков. Мечта здесь не живет. Но городишко не плохой. И живут славные люди. Ему здесь все нравится. Он привык к нему. Как и к своей Тракторной улице. Коляска выехала на грунтовую дорогу. Лошадка пошла быстрее. Этой дорогой он не раз ездил в поселок, где жил Ронни. Каждое дерево, каждый куст были знакомы. Даня остановил коляску. Подошел к дереву. Набрал пригоршни сливы. Вновь залез в коляску. Ехал и с высоты коляски сплевывал сливовые косточки. Попадались крестьянские домики. Нищие, бедные. Ронни. Юный рыбак, которого он спас. Не дал утонуть. Парень запутался в собственных сетях. Данька увидел со скалы, на которой сидел, как рыбак тонет. Он прыгнул, подплыл. Кинжалом перерезал сети. Вытащил из воды. Привез домой и встретился лицом к лицу с ужасающей нищетой. Тогда решил по-

мочь этим людям. Не справедливо, у кого-то есть все, а кто-то голодает. У кого-то жемчуг мелок, у кого-то щи пустые. Так началась эта дружба с Ронни и его семьей. Со стариком Мартином, лежащим со сломанной ногой. С его женой Теей. С младшими братишками. Славные ребята. Они так его любят. Вот сейчас приедет, они выбегут встречать с криками радости, со смехом. Какой это прекрасный мир. Даня не понимал, прекрасным мир делаем мы сами. Как много его связывает с этим миром. Не только отец, капитан пиратского корабля «Скиталец». Жаннетта, кухарка в доме капитана. Ее муж, Леон. Бывший матрос и друг капитана. Он заправляет домом Свена и его деньгами. Матросы на корабле, его друзья. Брайан, Сайрус, Сол. Все ребята. Он был с ними в бою. Одолевал шторм. Они морские разбойники, головорезы. И его братья. Он так много знает о них, об их былой жизни. Этих ребят он не предаст, как и они его. Сол, вредный паренёк. С острым язычком, любитель пари. Сайрус отличный моряк. А Эрл? Немного важный. И Брайан Отул, что не раз спасал ему жизнь. Капитан – душа их корабля. Он особенный. Боцман Брин? Дэн его боялся, когда был юнгой. Грозный морской волк. Теперь это его учитель. Иногда суровый учитель, но Дэн любит его. Старпом Колин, немного холодный, равнодушный. Как он может жить без этих людей. Ему суждено жить в двух мирах. Он не может вырваться из этого. И не хочет. Такая жизнь ему нравится. Он подъехал к поселку. Как все здесь изменилось за последнее время.

Многие дома отремонтировали, поправили. Люди выглядят более счастливыми, чем раньше. Те, кто заметил его, машут рукой. Приветствуют. И он им отвечает. Вот и дом Ронни. Его почти полностью перестроили, расширили. Не та лачуга, в которую он вошел впервые. Дэн выскочил из коляски, пошел к дому. На порог вышел старик Мартин. Опирается на трость.

– Дэн, – кричит он. – Приехал. Здравствуй.

– Мартин. – Старик спешит на встречу гостю, опираясь на трость.

На порог дома выбежали ребяташки. Они бегут к нему с криками: дядя Дэн. Дядя Дэн. Что ты нам привез?

– Ну, осторожнее. Все в коляске. Забирайте. Это Хуан сложил. – Ребята знают, Хуан обязательно им самое вкусное пошлет.

Парни не заставили себя просить. Кинулись за гостинцами. Данька вошел в дом вслед за Мартином. И внутри все иное. Хорошая мебель, шторы на окнах. Ковры. Все говорит о достатке. Вышла Тея.

– Дэн. Приехал, мальчик. Проходи. – Она бросилась обнять его. А вот и Ронни. Они пожали друг другу руки.

– Мама, собери на стол, угостить Дэна. – Ронни рад приезду друга. В этом доме всегда рады боцману Дэну.

– Сейчас, сынок. Уже собираю. – Женщина засуетилась. Такой гость. Он спас ее старшего сына.

Через несколько минут они сидят за столом.

– Как у вас дела? Сколько я не был, пару недель? – Данька, когда «Скиталец» стоял в порту часто навещался в этот поселок.

– Поменьше, но ты долго не приезжал. – Мартин считал, деньги любят счет. И прежде всего надо с ними все решить. – Мы деньги приготовили. С последних продаж.

– Оставьте эти деньги себе, – Данька не нуждался в деньгах. Ремесло пирата и удача капитана Свена приносили хороший доход.

– Как? Это твои деньги. – Заявил старик. – Земля твоя, значит, деньги твои.

Мартин не понимал, как Дэн может отказываться от денег.

– Мы договорились, часть земли ваша и Ронни. Часть моя, часть капитана. И Брайана. Это наша общая земля. – Потом повторил, – наша общая земля. Вкладывая в эти слова не понятное Мартину значение. Общая. Земля людей.

За обедом Мартин сказал:

– Я задумал женить своего старшего. – Старик кивнул в сторону Ронни. – Через пару месяцев сыграть свадьбу. Главное, что б ты был здесь на свадьбе.

– На ком Ронни собирается жениться? А не рано? – Дэн посмотрел на друга. Не заметил счастья на лице.

– Я в его годы уже женат был. Женили нас родители с Те-ей, и живем. Счастливо живем. Нечего ему одному ходить. Пора.

– А на ком, Ронни, ты собрался жениться? – Даня вновь

посмотрел на молодого рыбака.

– Это как отец скажет.

Так. Сам парень не горит желанием жениться. Что удумал этот старик, его отец.

– На ком ты его женить собрался, Мартин? – Отчего все родители думают, что знают, как жить их детям.

– Как на ком? Думаю, на дочке старосты. Другие нам не ровня. Она девчонка хорошая. И приданное богатое. У отца денег достаточно.

Ясно, – сделал вывод Данька, – на деньгах женит. Осуждать Мартина можно, но стоит ли. Он столько лет прожил в бедности. Теперь ему хочется, что б сын был при деньгах.

Мартин продолжал:

– За Ронни сейчас любая пойдет. – Отец с гордостью посмотрел на сына.

Данька ухватился за эти слова.

– Любая, Мартин, за такого ладного парня и не бедного пойдет. Только зачем женить на ком подвернется. Надо на лучшей, побогаче.

Слово побогаче запало в душу Мартина. Он начал чесать затылок.

– Побогаче? – А что, его сын может и девчонке из очень состоятельной семьи женится. Красивый, сильный, весь в него, в Мартина.

– Да. – Даня решил выручить друга. – Поищем в городе. Может и из кого познатней. Капитана попросим. С его сло-

вом считаются. Жаннетта всех невест в городе знает. Лучшую выберем.

– Можно немного подождать. – Согласился Мартин. Дело стоящее, подождать немного, а то и прогадать можно.

После обеда Ронни предложил Дэну сходить на берег. Там начали строить небольшой причал. И рыбакам удобно, и в порт можно товары по воде отвезти. Они спустились к морю. Мужики вбили сваи, настелили часть досок.

– Вот, – хвастался Ронни, – причал построим. Отлично будет.

– Ронни, ты хозяин, тебе решать. – Дэн не собирался по мелочам лезть в хозяйственные дела. Да и понимал в этом мало.

– Так ты хозяин, Дэн. Твои деньги. – Честный парень, он ни одной чужой монеты не возьмет.

– Заладили. Сказал, общее. А ты нашей общей землей управляешь. И деньгами. Можешь их вкладывать, куда считаешь нужным.

Потом перевел разговор в другое русло. Волны набегали на берег. Это не просто яма в земле, где много воды. Соленой воды, как он однажды сказал капитану. Это грудь планеты, на которой покоятся материки. И на ней сверкающие бриллианты кораблей.

– Ронни, а ты сам, что думаешь о женитьбе? О дочке старосты.

– Я о ней и не думаю. Как отец скажет....

– Опять заладил, отец скажет. У тебя своя голова есть? Тебе с ней жить, а не отцу. – Как здесь все запущено. Родительское слово, родительская воля.

– Я ... – потупился Ронни.

– Мартину скажем, я в городе ищу тебе невесту. А ты сам выберешь. Потом отцу скажем, я посоветовал. Меня он послушает. Приданное я дам. У капитана попросим. А?

– Можно. – Ронни повеселел.

– Так и решим, – Подвел Дэн черту под разговором. – Все отлично. Я сейчас домой поеду. Свен что-то замышляет. Без меня все решит. Упрямые у нас старики. Все за нас хотят по-своему.

Они вернулись в дом. Данька попрощался с хозяевами и уехал. На душе было легко. Он побывал у друга, помог ему.

Когда Дэн приехал, Жаннетта и Леон были дома. Жаннетта сразу же бросилась хлопотать, что бы накормить своего маленького мальчика.

И вот Данька снова на своей Тракторной улице ломает голову, чем заняться. Куда себя деть. Из этих раздумий его вывел телефонный звонок.

– Алло.

– Даня, это я, Гриша. – Знакомый голос.

– Привет, Гриша.

– Ты что делаешь? – Ясно, Гриша тоже мучается от безделья.

– Бездельем мучаюсь. – Даня похвалил себя за догадли-

вость.

– Я тоже.

– Может, куда смотаемся. Я у отца с вечера машину выпросил. Можем прокатиться.

– Давай. – Данька ухватился за эту идею. Чего сидеть дома.

– Я минут через двадцать подъеду. Выходи.

– Жду.

Данька положил сотовый в карман. Скоро приедет его новый друг. Вдвоем они придумают, чем заняться.

Часть 5

Рэм посмотрел на экран монитора. Он нашел объявление соискателя работы. Мысленным взором дотянулся до него в пространстве. Молодой парень обувался в прихожей. Собирается куда-то идти. Приятная внешность. Ничего угодливого, холуйского в его лице. Одет скромно. Нуждается в деньгах. И скорее всего не откажется от хорошей зарплаты. Если его поманить призраком власти, то будет верным рабом. В случае чего у Рэма найдется, чем образумить непокорного. В его возрасте хочется жить. Он набрал номер телефона. Парень откликнулся.

– Вы Антон Славин?

– Да, я. – Парень заинтересовался. Он давно ждал, когда откликнуться на его объявление.

– Я по вашему объявлению. Мне нужен личный секретарь. Оплата достойная. – По мере того, как Рэм говорил, на лице Антона все больше отражалась заинтересованность. – Условия при личной встрече. Подъезжайте прямо сейчас.

Рэм назвал адрес. Антон поспешил на встречу. Он давно искал работу, кажется, что-то подвернулось. Он не подозревал, что попался самому искусному ловцу. Из этих сетей не вырваться. Мотылек летит на яркое пламя свечи. Его будущий господин улыбается. Игрушки в его умелых руках.

Гриша еще с вчера выпросил у отца машину. Он зашел

в его кабинет вечером. Отец приходил домой обычно поздно, продолжал работать и тут.

– Пап, – сказал он с порога.

– Да, Гриша, – Игорь Иванович, перелистывал бумаги и не сразу поднял взгляд на сына, – что ты хотел, сын.

– Можно, я завтра возьму машину. Ты же все равно на служебной поедешь. – Гриша очень надеялся, что отец не откажет. Что толку от машины в гараже.

– Зачем тебе машина? – Спросил отец. Он старался контролировать сына. Никакой вседозволенности.

– Мы, может быть, завтра куда-нибудь прокатимся. – Гриша и сам не знал, куда поедет, но если машина будет, то он точно не проведет день в четырех стенах.

– Кто это мы? – Поинтересовался Игорь Иванович. Не иначе покрасоваться перед девчонками. А потом начнутся вечерние клубы, вино и, не дай бог, наркотики. Это лучше пресечь сразу.

– Мы с Даней. Я тебе говорил, мы с ним познакомились на зачислении. Вот я и хотел....

– Ну, ну. Хорошо. А что ты об этом Дане знаешь? Кто его родители? – Поинтересовался Игорь Иванович. Сын говорил ему об этом Дане. На одном курсе будут учиться. Ну что ж, можно будет разрешить.

– Он так забавно о них говорил, – Гриша улыбнулся, – они в пыли копаются. В музее работают.

– В музее. Хорошо. На завтра дам тебе машину. Сейчас. –

Игорь Иванович достал из кармана ключи, протянул, – Дер-
жи.

Работники музея. Скорее всего, люди образованные. И их сын должен быть не самым глупым парнем. На зарплату музейного работника не разгуляешься, значит, поступил в академию не по протекции.

– Говоришь, в пыли копаются. Этот Даня, – отец посмотрел на сына вопросительно.

– Даня Гринев, он отличный парень. – Заявил Гришка.

– Ладно. – Махнул рукой Игорь Иванович.

Сын ушел, а отец пристально смотрел в сторону двери. Что-то знакомое в этой фамилии. Очень знакомое. Даня Гринев. Даниил Гринев. Как же он упустил.

Игорь Иванович был генералом ФСБ. Его перевели в этот город недавно. Он вспомнил, ему говорили о странном молодом курсанте. Ему нет восемнадцати лет. Какой – то вечерник – заочник. Бог знает откуда. Он хотел разобраться с этим вопросом. Но дела, текучка. Игорь Иванович тогда принимал дела, да и другая работа шла. И он это упустил. Того курсанта зовут так же, это точно. Он ли это? Генерал встал и пошел в комнату сына. Тот сидел за компьютером.

– Гриша, – спросил отец, – твой друг далеко живет?

– Что ты хотел, папа? – Гриша немного удивился. Может отец решил забрать ключи.

– Я о том.... Если он не близко живет, то машина, действительно, будет тебе нужна. Может, чаще тебе машину да-

вать. – Генерал лукавил. Он хотел узнать, где живет этот друг сына, но задавать вопрос в лоб не хотел.

– Да, папа, почаще будет здорово, – Гришка обрадовался. Он и не заподозрил, щедрость отца объясняется тем, что тот хочет осторожно уточнить, кто этот друг. – Он живет на Тракторной улице. Я туда его в первый день подвозил.

– На Тракторной улице. Ладно. – Генерал махнул рукой, словно вопрос был пустяковый.

– На счет машины, – он обернулся, выходя из комнаты, – я подумаю. Сейчас решать не буду. И вышел.

Гриша позвонил снизу от подъезда, и Данька сразу выскочил из дома. Было почти десять часов утра. Хорошее время для поездок по городу. Час, когда на дорогах много машин миновал.

– Садись, – бросил Гриша, и они поехали.

Выехали с Тракторной улицы, проехали мимо любимой Данькой троллейбусной остановки.

– Куда едем? – Спросил Данька. Гриша, скорее всего, уже придумал, как они сегодня будут развлекаться.

– Поедем в боулинг? Как? Отдохнем, разомнемся. – Чем еще заняться в скучном городе.

– Нет возражений. Мне лично все равно. – Даньке идея друга понравилась. Отличная игра. Это не с ребятами на «Скитальце» кости кидать. В кости он играл, когда заняться было совсем нечем.

Они приехали в боулинг. Гришка рассказывал о себе.

– Я говорил, мы в этом городе недавно. Никого не знаю. И город не очень знаю. По интернету посмотрел карту. Немного сориентировался. Но в живую, лучше. Вот и решил с тобой встретиться. Отец по назначению приехал раньше нас с матерью, я говорил. Я уже привык, мы часто переезжаем. Для матери это трагедия.

– А почему? Что не нравится? – Интересовался Даня. Он бы с радостью переезжал из одного города в другой. В нем жила тяга к путешествиям.

– У нее сад. Она садист. Так называют наших огородников. Они все садисты. Над собой издеваются и над нами, над родственниками. Особенно, надо мной. – Гришка помрачнел.

Данька смеялся.

– А над тобой как издеваются? – Перед ним образец современного мученика. Даньке и в голову не приходило считать себя жертвой тяжелых испытаний в дни, когда осваивал корабельную премудрость. И еще капитан с ежедневными тренировками.

– Как?! Выходные, меня за шкварник и в сад. Лопату в руки, и вперед. Все выходные там.

– Мать так любит сад? – Вот неожиданность.

Они приступили к игре. Метали шары и болтали.

– Не то слово. – Возмутился Гриша. – Можешь себе представить, всю неделю она в походах за красотой. Массаж, маникюр, прическа. А в выходные с этим маникюром на гряд-

ку. Два дня там пашет, а потом.... Представь, что с этим маникюром и прической. Естественно, всю неделю опять в походах за красотой.

– А сейчас у вас сада, наверно, нет. – Даня озорно подмигнул другу. Получил передышку от садовых дел.

– Она уже ищет. Вот-вот что-нибудь купит. Как обычно, в болоте. Развалюху. Будет бегать вокруг крошечного домика и кудахтать. Ягодки. Ягодки. Помидорки.

– А тебе ягодки не нравятся? – От спелых ягод никто не откажется. Выращивать хлопотно, но потом удовольствие.

– Их купить можно. Что пахать-то. Что с ней делать. Ее не перековать. Ты помнишь, говорил, ты в архивах не хочешь копаться.

– Говорил. – Как то резко от грядок они перешли к архивам.

– Я об этом с отцом разговаривал. Он у меня в Конторе работает. Ты об этом только никому не говори. – Гриша испытующе посмотрел на друга. Нет, такой не проговориться.

– Не скажу. – Он понимал специфику этой службы, чуждой рекламе. Говорят, деньги любят тишину. Символом этой работы мог бы стать бог Гарпократ – мальчик, прижимающий палец к губам. Безмолвие.

– Он говорит, полицейские часто в архивах копаются. Без документов, без доказательной базы преступника не прижмешь. Сидят, бумажки перекладывают, думают. А погони

и стрельба на втором месте. Если получится. В жизни иначе, чем в кино. Никаких приключений тебе, Даня, не светит. – Сказал Гришка, метнув очередной шар.

– Как это не будет?! – Данька был с этим не согласен. – Будет, еще как будет. Мать говорит, тебе там не достаточно приключений, так ты здесь приключений хочешь найти.

Гриша заметил это слово: там.

– А где это там приключения? – Любопытно, где его новый друг находит приключения и какие они.

– Везде бывают приключения, – Данька понял, сболтнул лишнее. – Мать считает, что я на свою голову всегда найду приключений. Характер у меня такой. И отчим, Аркадий, с ней согласен. А потом, приключение приключению рознь.

– А что для тебя приключение? – Гришка хотел понять, что может добавить адреналина в кровь этого спокойного человека.

– Приключения? Они разные бывают. Если ты идешь по улице и начался дождь. Ты зонт открыл, а тут ветер. И он вырвал зонт из твоих рук. Зонт летит на проезжую часть. Тут машина. И она проехала по зонту. Ты возвращаешься домой мокрый с головы до ног. Без зонта. Вот это приключение. А бывают они и другими.

– Другими? А какие? – Колись, приятель, какие приключения ты считаешь достойными.

– Всякие. Люди часто ищут приключения. Это делает жизнь интереснее. – Данька пытался выкрутиться. – Счаст-

ливый халиф Гарун аль Рашид по преданиям искал приключений. Переоденется и в город, в Багдад. Неузнанным. Искать приключений на свою голову. А в Багдаде, как известно, все спокойно. Какие тут приключения. Это только легенды говорят, счастливый халиф был добрым правителем. Он был вторым сыном халифа Мухаммада ибн Мансура аль Махди. Престол должен достаться старшему брату по отцу. Но мать Гаруна и ее сторонники ловко убили старшего, возвели на трон его. Там была очень влиятельная семья Бармакиды. Из них выбирали великих визирей. Не знаю, правда это или рассказы, так говорил современник по имени Атабари, но визирь Джафар и аль Рашид были любовниками. Когда мать умерла, Гарун решил, хватит править этому знатному семейству. Уничтожил всех сторонников своей любимой мамочки, визиря тоже. Такие развлечения при дворе. Но сказки говорят о приключениях попроще. В том славном городе жил Багдадский вор. Впрочем, нет, – придумал Данька, – ты приключения Алладина знаешь?

– Знаю. Кто ж не знает, тысяча и одна ночь. – Гриша припомнил, есть издания этих сказок для детей и отдельно для взрослых.

– Брось ты эту тысячу и одну ночь. Там все не так было. Совершенно не так. Ты подумай, отчего эта девчонка, Шахеризада, султану тысячу ночей голову морочит. Выдумки. Султан не знает, что с красивой девчонкой делать. Тысячу ночей не догадался. Но беда или счастье в том, после тыся-

чи ночей Шахеризада привела к халифу трех сыновей. Один ходил, один ползал, третий сосал. Про Алладина все проще. Алладин – это наш парень, из соседнего двора. Я его знаю. Петька Аладин. Фамилия у него Аладин. Только на Востоке немного переделали на свой лад. Он парнишка ленивый. Работать не хотел. Задумал, буду старьем торговать. Антиквариатом. На скобяном рынке. По всяким свалкам ходил, собирал старые выброшенные вещи. Приведет их в порядок, и на продажу. То найдет, другое. Почистит, в порядок приведет. Глядишь, деньжата и есть. А тут наткнулся он на лампу. Посмотрел. Вещица не плохая. Почистить и продать можно. Ему бы тупому, взять какое средство для мытья посуды. Осторожно губкой помыть. Так его жаба задавила. Покупать надо! Деньги тратить. Кругом пустыня. – Даня и сам не заметил, как из тихого двора перенес своего героя в Аравийскую пустыню. – Песка много. Вот, песочком и почищу. Взял песка. Взял тряпицу, намочил ее. И давай тереть лампу с песочком. Ты сам Гриша подумай, если тебе одно место начать чистить песком, ты не то, что из лампы, ты откуда хочешь, выскочишь. Джин и выскочил. Петька Аладин поначалу струхнул. Понятно, такая рожа вылезла. С такими кулачищами. А если звезданет? Отскочил. С безопасного расстояния стал пугать джина.

– Я сейчас тебя прямо живьем в песок урою. – Он наш парень, знает, как страха напустить.

Джин смелостью не отличался. А что, если, в самом деле,

уроет? И стал оправдываться. Я тут не причем. Ни при делах. Я раб лампы. Это все она. И эти, колдуны, Магрибские колдуны. Они виноваты. Себя в грудь бьет. Они меня, сиротинушку, в лампу посадили. На слезу давай давить.

– Хочешь, три желания любых выполню. – Кланяется и глаза рукой трет. Слезу сиротскую вытирает.

Петька подумал. Парень он молодой. Ясно. Какое у него желание. Тут еще на днях его мать пилила.

– Стара я стала. Стара. Помру, с кем ты, дурень, останешься. Кто о тебе позаботится. Женить бы тебя, да какая дура за тебя пойдет.

Аладин и подумал. А может джин ему дуру и принесет.

– Давай мне какую ни на есть дуру!

Джин репу чешет. Где дуру взять. В Багдаде нынче нету дур, принцесса есть, и звать Будур. И кинулся за принцессой. Сам доволен, рад. Притащу принцессу. Султан узнает. Так не только морду Алладину начистит с песочком. Башку отрубит. Притащил Будур. Та глядит, парень молодой. Красивый. Мозгов нет, так на ложе они не к чему. Не от ума дети заводятся. Крепкий парень и ей одной достанется. А не целому гарему. Она ж не дура делиться с кем-то мужиком. Это наши девки – дуры. Русские. Им романтику давай. Гарем, фонтаны, целый день лукум кушай, финики жри. А чего хорошего в гареме? Это как у нас, приходишь в Сбербанк. Очередь. Ты талончик берешь. Ваш номер А 47. Ждите, вас вызовут. Они и ждут. Сидят у фонтана, финики грызут. Отожрут, какая

тут диета. Мучное и сладкое. Что б вес сбросить они танец живота исполняют. Будур к бабушке – султану бросилась. Алладин растерялся. Во, коза, какая бодрая. Только сказал, замуж за меня, так побежала. Метелка реактивная. За паспортом. Должно быть, в ЗАГС меня потащит. А принцесса к султану прибежала:

– Бабушка, замуж хочу. За Алладина пойду.

– Какой такой Алладин? Чей будет? Какое королевство? Ну, халифат. Я ему голову отрублю.

Принцесса испугалась. Это всадник может быть без головы, а жених Он должен быть с головой, с которой не дружит. Иначе не станет жениться. Будур в истерике бьется. Ногами топает. Тарелки об пол. Султан не выдержал. Выходи замуж за Алладина. Отсело во дворец. Там мужу будешь истерики устраивать. Потом люди рассказывали, что это джин дворец сляпал за одну ночь. Такая была история.

– Да, – смеется Гришка, – ты, молодец. Сказитель. Рассказал здорово. Ты все сказки так можешь пересказать?

– Конечно. Мозгами раскинуть, так такие приключения можно придумать. – Даня мечтательно воздел взор к небу. Таких баек он мог придумать без счета.

– А что для тебя приключение? Ведь не прогулка без зонта под дождем. Вот именно для тебя? _ Гриша не собирался оставлять этот вопрос.

– Нет, – согласился Данька, – для меня приключения в другом. Представь, стоишь ты и смотришь. Облака бегут

туда, вперед к горизонту, где море встречается с небом. Ночью стоишь на палубе и видишь, как полупьяные звезды танцуют на волнах. Когда ты выходишь в море, волны ревут, бьются и бросаются на твой корабль, словно играя с ним, как щепкой. Ты стоишь плечом к плечу с друзьями и борешься с этой стихией. Знаешь, ты ее одолеешь. Когда ты вместе с ними, этими парнями, ты работаешь, не смотря на соленые брызги и холодный дождь. Молнии. Холодный дождь, но ты работаешь до горячего пота, который стекает по твоему лбу и застилает глаза. Работаешь, потому что рядом с тобой друзья. И ты готов прикрыть друга грудью. Подставить грудь под удар шпаги. Ты уверен, друг готов отдать за тебя жизнь. И ничего не попросит взамен.

– Да, – сказал Гришка, – откуда ты все это берешь?

– Как откуда? Из башки, конечно. – Даня постучал кулаком по голове.

Гриша рассмеялся.

– Оказывается, ты башковитый. С тобой на ночное дежурство заступать хорошо. Баланду умеешь травить. Может, еще чего расскажешь о приключениях.

– О приключениях? – Данька задумался. Может, рассказать что-нибудь из своих приключений, а не из книжных историй. И решил.

– Знаешь, Гриша, – начал он свою новую сказку, – сколько рассказов ходит о пиратах. Флинт, Морган, Синяя борода. Только все это не совсем так. Откуда тем, кто писал о пи-

ратах, знать подлинную историю. После встречи с пиратами не остается никого в живых. И сами пираты не станут болтать о своих «подвигах». Здесь убили, там ограбили. Им это не надо. Кому хочется на виселицу. Посчастливилось, захватили денежки и все. Есть среди пиратов и настоящие уроды. Да где их нет. В семье не без уроды. Не без паршивой овцы. Но не все они такие. В них и другое есть. Романтика? Нет, не так уж ее много. Пират – это работа или призвание? Или судьба? Кто-то считает, быть рыбаком, ходить на сейнере – это романтика. Как если ты пошел к водоему, сел с удочкой на вечерней или утренней зорьке. Наловил рыбки. Вернулся домой и ушки сварил. Рыбацкий труд тяжелый. И труд пирата совсем не легкая профессия. Когда днем ты ступаешь по палубе, а доски, раскаленные на солнце, обжигают твои голые ступни. Там, над парусом, жестокое солнце. Лезть по выбленкам вверх, бежать по рее. Настоящий матрос лезет вверх обходя марс по путенс – вантам. Молодые так не делают. Разворачивать паруса. Не всеми парусами можно управлять с палубы. А сколько надо знать. Не только рангоут, это мачты и реи. Весь такелаж. Больше двухсот пятидесяти ручных талей. Топенанты, брасы, гардении, шкаторовые. Стать янмаатом, океанским матросом, дело не легкое. И марсовые работают как черти. Под куполом цирка есть страховочные тросы. Тут твоя страховка – ловкость. И каждый день обтяжка парусов, проверка узлов, креплений, шкаторин.

– Вот чешет! – Думает Гриша.

Есть марсовы акробаты. Смотришь, дух захватывает. Парень лезет с грот-марс-рея на фор-брам-рей по фор-брам-брасам. Это с одной мачты на другую. А вниз смотреть даже страшно. У парней с бака есть и другая работа. Тут слабак не выдержит. Это когда ночью ты на палубе дело другое. Кругом плещет вода, темная, черная вода, как омут в твоей душе. На небе высоко звезды. До них не дотянуться рукой. Они смотрят оттуда равнодушно. А может, не равнодушно. Они смотрят, как глаза тех, кого ты убил. Последний прощальный взгляд. И месяц, словно клинок шпаги, приставленный к твоей груди. И тоска. Каждый раз, когда пират выходит в море, он прощается с берегом, с берегом, где его никто не ждет. С берегом, к которому он, может быть, никогда не вернется. И это судьба пирата. Только скрип мачт, поющих об одиночестве. Вечное одиночество скитальца. Бывают и другие моменты. Но короткие. Азарт. Азарт погони. И безумный шум абордажного боя. Крики ненависти и боли. И что-то красное и липкое течет по палубе возле твоих сапог. После тишина. И только в воздухе разлит запах смерти. Ты знаешь, как пахнет смерть? У нее запах уксуса, которым для дезинфекции сбрызгивают палубу. Мертвые тела вокруг. И никто не справит поминок. Трупы выбрасывают за борт. Тишина, нарушаемая всплеском воды за бортом. Мы вышли в море. Мы болтались на волнах. Шли не за тем, что б встретить купеческий корабль. Нас словно магнитом тянуло к чужому берегу. Золото, чужое золото притягивало нас к себе.

Наш корабль в ночи подошел к побережью. На воду спущены шлюпки. В полном молчании мы высадились на берег. Темные тени скользнули у кромки воды. В безмолвии, в этой густой тьме они прячутся среди деревьев. Идут к укрепленному форту. На рассвете они принесут туда смерть. Мы идем в темноте, идем друг за другом, зная, что нас ждет. Посланники смерти, готовые умереть. Вот на землю опустился туман. Густые клочья тумана. Мы плывем в нем. И звуки почти неслышных шагов. Тяжелая поступь, но не наших ног. На расстоянии вытянутой руки твой товарищ. Трава цепляется за наши сапоги. Пытается удержать торговцев смертью. Ветки кустов и деревьев хилыми руками цепляются за твою одежду. Они молят, остановитесь. Напрасно, мы равнодушны к их мольбе. Куда вы идете? Вернитесь. В клубках тумана, там впереди, я вижу высокую фигуру в черном плаще. Капюшон накинута на голову, скрывает лицо и страшную улыбку. Эта фигура идет впереди, ведет нас. Мы следуем за ней. Только одного я боюсь, лицо повернется в мою сторону, и я увижу яркий блеск в пустых глазницах. Фигура идет, опираясь на свое странное и страшное оружие. Коса.

– Кошмар, Данька! – Улыбаясь, тихо говорит Гриша. Хорошо придумал.

Данька продолжает.

– Еще во тьме мы подошли к крепостной стене. Молча. Командир махнул рукой. Я и мой друг Брайан по этому знаку идем вдоль крепостной стены. Там склон холма спускает-

ся вниз. Здесь стена ниже. Остановились, посмотрели друг на друга. Миг, и мы закинули абордажные крючья на стену. Еще мгновение и мы по ту сторону стены. Прислушались к тишине, к мертвому безмолвию. Долор игнус анте люцем. Жестокая тоска перед рассветом. Брайан пригнувшись осторожно крадется вдоль стены. Я подаю ему знак. Дергаю за рукав. Он думает, что я заметил кого-то. – Данька замолчал. Выдержал паузу.

Гриша в напряжении ждет продолжения рассказа. Выдумщик Данька, как по писанному чешет.

– Отрицательно киваю головой, показываю, делай, как я. – Продолжает Даня. – И мы идем открыто, так стража не сразу увидит в нас угрозу. Мы идем к воротам. Стражники. Они и понять ничего не успели. Взмах рук и в воздух летит смертельная сталь. Наши метательные ножи нашли сердца испанских солдат. Только последний взгляд наполненный изумлением. Тела падают на землю. Мы подбежали к воротам, открыли их. Посланцы смерти вбежали в крепость. Они разделились на несколько отрядов. Один – вдоль стены направо, другой – налево. С одним из этих отрядов мы с Брайаном. Мы движемся стремительно. Движение руки и вновь летят, несущие смерть, метательные ножи. Тяжелый звук падающих тел, последний стон. Справа шум. Это один из наших отрядов ворвался в казармы. Ночной сон солдат сменил вечный сон и холод. Над морем мелькнул первый луч солнца. Крепость была в наших руках. Мы обеспечили нашим кораб-

лям вход в порт. Под парусами, наполненными ветром, они входят. На мачтах на ветру полощется черное знамя с костями. Смеется Веселый Роджер. Этот парень весельчак. Любитель шуток. Залпы пушек. Они бьют по пакгаузам в порту. Потом переносят огонь вглубь города, где городские казармы. Мы разбудили горожан пушечной стрельбой. С кораблей высаживаются матросы, врываются в город. Мы с Брайаном стоим на крепостной стене и наблюдаем за этим. Горожане прячутся в норках своих домов, баррикадируют двери. Они боятся, что в их уютные дома ворвутся эти безжалостные убийцы. Но парни капитана Свена и не думают врываться в дома, не хотят убивать, насиловать. Железная воля капитана удерживает их. Пираты не хотят собирать мелочь. Они пришли не за деньгами горожан, а за тем, что приготовлено для испанской короны. К вечеру все закончено. Жители отсиделись в своих норках. Мы одними из последних садимся в шлюпки, чтобы вернуться на свой корабль. Наши корабли выходят в море на закате дня. И белый парус скрывает сумрак ночи.

– Ты здорово это придумал. – Сказал Гриша. – В каком-нибудь фильме увидел. Это из какого фильма?

– Фильма я не видел. Это я так придумал. Выдумки это все. – Отмахнулся Данька. Кто ему поверит, что он рассказал правду, один из эпизодов своей жизни. Из жизни помощника боцмана Дэна. Данька, Данька, сидеть бы тебе дома на диване и рассказывать эти сказки детям. Жить спокойно в одном

тихом мире, в тихом уголке на Тракторной улице, на третьем этаже.

Антон провели в кабинет хозяина. Он отметил, изысканная роскошь этого дома стоит не малых денег. За столом молодой парень. Как в таком возрасте можно сделать капитал? Богатые родители. Некоторым везет родиться в роскоши. Антон в стоптанных кроссовках и в тертых джинсах выглядит жалким попрошайкой.

– Садись, Антон, – хозяин улыбается. – Меня зовут Рэм. Мне нужен личный секретарь. Он должен быть всегда под рукой для выполнения моих поручений. И не болтлив.

Взгляд Рэма прожигает Антона. Сковывает его.

– Кофе? – Тотчас же появляется слуга с кофейником и чашками. Ставит их на стол, ждет приказа разливать в чашки напиток.

Рэм стал, подошел к слуге. Указательным пальцем руки приподнял подбородок парня.

– Доминик, ты неуклюж. Опять разольешь кофе на стол. Сегодня я не хочу доставлять радости палачу. – Рука Рэма опускается на плечо Доминика. Антон видит, как бледнеет лицо парня, и только ужас во всей фигуре. – Ступай, я не сержусь. Это счастливый для тебя день.

Парень, пятясь, выходит. Только дурак не поймет, что означают эти слова. В этом доме есть только воля хозяина. Но так манят деньги, что предложены. И отказаться трудно. Антон не глупый парень, понимает, отказ не примут.

– В этом доме нельзя никому ничего поручить. Рабы нерадивы. Тебе придется за ними приглядывать. Свою жалкую одежонку поменяй. Денег я дам. Мне не возражают, Антон. Мне повинуются. Обсудим твои обязанности.

– Да, господин. – Он всецело отдавал себя на волю этого человека.

Часть 6

Генерал Семенов ехал на работу, предполагая, что с самого утра запросит личное дело курсанта Гринева. Но, как говорится, человек предполагает, а бог располагает. Как обычно, текущие дела оказались важнее. Как только он вошел в кабинет, принесли донесение. Это было очень важное дело. Генерал считал, это лучшее дело за всю его карьеру, самое важное в его жизни. Операция «Павлиний глаз». В одной из южных стран в подбрюшники России именно он, еще, будучи полковником, создал сеть. Ребят он перебрасывал через западную Европу. Что бы по возможности безопасно внедрить их. Его резидент, как было сказано в донесении, наконец, смог получить важные документы. Это была сверхсекретная операция. Связь шла через третьи страны. Вначале сообщение шло во Францию, оттуда в Гамбург и только потом в Россию. Плечо связи было длинным. Это требовало времени. Но зато очень надежно. Никто не смог бы проследить, что донесения идут в Россию. Он создал эту операцию, и сейчас, когда его перевели в этот город, все дела по операции он забрал с собой. Надо срочно, срочно отправить курьера. Это должен быть очень надежный человек. Если, как он надеялся, та информация будет в этом документе, это будет лучшее дело его жизни. Да только ли его. Если эти бумаги попадут в чужие руки, вся его сеть будет провалена.

Многолетняя работа пропадет. Он не может этого допустить. Нужен не один человек. Сообщение любой ценой надо доставить. Не многим можно доверить это дело. Таких парней он знал. Он сам их выберет. Все зависело от точности исполнения. Ребята должны оказаться в нужное время и в нужном месте. Все рассчитывалось до минуты. Они должны забрать из тайника флэшку. Рискованно оставлять ее в тайнике долго. Это опасно. Он сам лично проследит за операцией и сам проинструктирует курьеров. Кроме того, надо связаться с «южным мостом», обеспечивающим переход границы в обратном направлении. Идти через всю Европу долго. «Южный мост» обеспечит переход. Фактор времени. Им придется привлечь много людей. Это неизбежно. Только после обеда генерал закончил с этим вопросом и решил, что можно вернуться к делам менее важным. Посмотреть личное дело курсанта. Он позвонил полковнику Сотникову.

– Андрей Алексеевич, – сказал он в трубку, – зайди ко мне. Сейчас, лучше сейчас, и занеси личное дело курсанта Гринева.

– Кого? – Спросил Андрей Алексеевич. Даню Гринева он считал почти своим племянником.

– Того, ну особого. – Наконец он выкроил время и для этого дела.

– Есть, занесу. – Андрей вытащил личное дело из своего сейфа. Это дело он не доверял никому. Шел по коридору и пытался угадать, почему генерал вдруг решил посмот-

реть это дело. Когда генерал приступал к своим обязанностям, Андрей ему доложил. Тогда на дело не обратили внимание. Что случилось сейчас? Полковник вошел в кабинет Игоря Ивановича и доложил:

– Прибыл по вашему указанию, товарищ генерал.

– Проходи, Андрей. Что стоять. – Сказал Семенов, указывая на стул. – Присаживайся.

Андрей сел, ожидая, что спросит генерал.

– Дело принес? – Игорь Иванович отложил ручку.

– Да, вот, товарищ генерал, – Андрей протянул скоросшиватель.

Генерал открыл дело, полистал. Все так и есть. Даниил Александрович Гринев. Семнадцать лет. Родители – сотрудники музея. «Роятся в пыли» – улыбнулся он про себя. Живет на улице Тракторной. Вот он какой, друг его сына. Закрыл папку и спросил:

– Так что с этим курсантом? Уж больно он необычный. Привилегий много. Семнадцать лет. И посещение занятий свободное. Вечерник – заочник. – Не ясно, выражает ли генерал недовольство или просто описывает ситуацию.

– Товарищ генерал, я вам докладывал. Он очень способный парень. Очень. – Андрей пытался объяснить, какой это замечательный курсант.

– В чем способности-то? – Чуть улыбнувшись, спросил Семенов.

– Прежде всего, он владеет прекрасно любым оружием.

Борьба. Холодное оружие. Способность к языкам. Другие дисциплины ему так же даются легко. Прыжки с парашютом. – Полковник пытался припомнить все способности курсанта.

– Прыжки с парашютом? – Генерал постучал пальцем по делу, явно намекая на рапорт инструктора по прыжкам.

– Бывает. Молодой он еще. – Оправдывался Андрей Алексеевич.

– Понимаю, понимаю. Молодой. Вот это и странно. Что еще? – Игорь Иванович поднялся на ноги, прошел по кабинету. Остановился возле окна.

– Я могу сказать, таланты у него необычайные. Особенно способность к языкам. Свободно владеет английским, французским, испанским. Немецким. Говорит на этих языках, как на родных. Если необходимо, он в короткие сроки может освоить любой другой язык.

– Так, так. Замечательно. И что это такое, семнадцать лет, без воинской присяги. Непорядок. – Семенов вернулся за свой стол.

– Я докладывал наверх. – Полковник Сотников тогда связался со своими старыми друзьями. Без их помощи особое положение курсанта было бы не возможно.

– Ясно. Хотел бы я лично познакомиться с этим необычным талантом. – Сказал генерал. – Пригласи-ка его завтра ко мне. Поговорим.

– Есть, товарищ генерал.

Андрей видел, разговор закончен и спросил:

– Я могу быть свободен?

– Да, ты свободен, Андрей. А дело я оставлю пока у себя.

Полковник встал и пошел к выходу из кабинета. Генерал остановил его.

– Не подскажешь ли мне Андрей, почему его называют Арлекин? Отчего его так прозвали.

– Сложно так объяснить, – начал полковник.

– Ладно, – Семенов махнул рукой. – Посмотрим завтра.

Андрей вышел. Задумался. Что завтра скажет генерал.

Вернулся в свой кабинет и позвонил Даньке.

– Даня, это я, Андрей. – Справится ли мальчишка с этим экзаменом.

– Дядя Андрей, – откликнулся сразу же Даня. – Добрый день. Что-то случилось?

– Даня, генерал хочет тебя увидеть завтра. Зайди в контору, я тебя встречу.

– Хорошо, завтра буду. – Приказы надо выполнять.

На следующий день после занятий Данька поспешил в контору. Знакомое здание, мало что говорящие вывески. Управление внутренних дел и все. На проходной его уже ждал дядя Андрей. Дядя его друга Максима. Но для Даньки он был почти родным дядей.

– Привет, дядя Андрей. – Данька протянул руку.

– Пойдем, Даня. – Андрей поздоровался и повел курсанта к высокому начальству.

Они прошли и направились к кабинету генерала.

– Что-то случилось, дядя Андрей? – Поинтересовался Данька.

– Пока не знаю. Генерал вдруг вспомнил о тебе. Интересовался, отчего тебя прозвали Арлекином. А я толком так ничего ему и не объяснил.

Данька только улыбнулся.

– Я взрослый мальчик, сам ему объясню. – В голове Дани тотчас возник план. Почтения к начальству любого уровня он не испытывал. В нем жил шаловливый чертенок.

Андрей Алексеевич махнул рукой. Он думал о той беседе, которая должна пройти у них с генералом. Вошли в кабинет. Сотников первым, за ним Данька. Полковник доложил:

– Товарищ генерал, по вашему приказанию прибыли. – И услышал у себя за спиной голос незнакомого парнишки.

– Ой, чего вызывали-то? Я так бежал. На улице жарко. Употел весь.

Андрей обернулся. За его спиной стоял уродец. Голова набок, трясется. Ручки болтаются. Рубаха Когда Данька успел это сделать. Рубаха выбилась из-под брючного ремня, застегнута не правильно. Настоящий уродец. А Данька продолжал:

– Как меня вызвали, так я сразу побежал, – урод жует слова. – Вот. Я тут присяду маленько. Совсем запыхался. Мне жидти не просто. Ой, Господи. – Данька пошаркал к столу генерала. При этом одна ножка у него заплеталась за дру-

гую. Левое плечо дернулось, поднялось выше правого. Глазки моргают, рот полуоткрыт. Даня плюхнулся на стул.

– Что нынче так жарко. У вас тут дяденьки хорошо. Прохладненько. Отдышусь чуток. Вызывали, так я побежал. – Он пыхтел, отдувался. Тонкие скрюченные ручки положил на стол генерала.

Игорь Иванович посмотрел на полковника.

– Это что, курсант Гринев? – Спросил он. Игорь Иванович готов был в гневе ударить кулаком по столу. Что за шутки!

Но ответил Даня.

– Я. Я, курсант Гринев. Точно. Меня записали в курсанты. Вот дяденька и записал. Мне сказали, запишешься в курсанты, к харчам определяют. И пособие обещали. Только ничего не давали. А тут вызвали, я и думаю, все сейчас и дадут. И харчи, и пособие. У меня пособие по детству маленькое. Мать-то у меня в музее работает. Зарплата небольшая. Мамка говорит, там тебе будут бутербродики со сливочным маслом давать и с сыром будут. Масло-то хорошее и сыр с дырочками, вкусный. Я и побежал. Я и паспорт взял, что б пособие получить.

Уродец достал из кармана паспорт и трясущейся рукой положил на стол генерала.

– В ведомости я распишусь. – Даня взял листок бумаги для заметок, ручку. На перо ручки подышал. Зажал ручку всеми пальцами и стал выводить каракули. От усердия закусил кончик языка. – Меня учили писать. Гляди. Куда бе-

жать-то, касса где? Я готов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.